

88.396
К В 41
ВИТАЛИЙ БИАНИ

В

ПРИКАМЬЕ

2

[illegible]

«Полиграфкнига» Зак. 9—53. 1989 г Тир 5 млн.

К столетию со дня
рождения писателя

ВИТАЛИЙ БИАНКИ В ПРИКАМЬЕ

208117

Оса

«Росстани»

О 1993 СКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иркутской области

ББК 26.891

В 11

Виталий Бианки в Прикамье.— Оса: Росстани, 1993.— 95 с.

В 11. В первой части книги представлены уникальные материалы, связанные с жизнью В. Бианки в Прикамье в годы Великой Отечественной войны: письма, записи из дневника, воспоминания его дочери Е.В. Бианки. Во вторую часть вошли известные рассказы писателя «Приказ на снегу», «Глупые вопросы», «За лосем» и др., созданные в период с 1942 по 1951 гг.

В 1 805 080 000 Без объявл.
ЛР 040182—93

ISBN 5-88 180-018-4

© Е.В. Бианки, В.Н. Русанов, 1993

Была у меня задумана книга о жизни отца, писателя Виталия Валентиновича Бианки, в Пермской (тогда Молотовской) области в эвакуации в годы войны. Хотела ей дать название — «Два заметных года», перефразируя пушкинские строки: «... Тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных». Начала писать с большим размахом — с описания эвакуации нашей семьи из Новгородской области в Пермь в мае 1942 года, но отвлеклась другими работами...

Сейчас передо мной рукопись В. Н. Русанова, педагога, краеведа. Владимир Николаевич давно занимается темой «Бианки в Осе». Мы переписываемся. Несколько лет назад получила я через него приглашение навестить места, где жила наша семья с мая 1942 года по август 1944-го. Очень я благодарна пригласившим меня и сделавшим поездку не только полезной, но и приятной.

Прочла я рукопись В.Н. Русанова и подумала: а что, если текст Владимира Николаевича перемежать моими комментариями, уточнениями, может быть, даже исправлениями, если понадобится? Получилось что-то вроде диалога. После окончания такого «сдвоенного» рассказа перейти к цитатам из дневников В. Бианки, его переписки и связующим это все воедино моим воспоминаниям. В.Н. Русанов в своем письме горячо поддержал эту мысль.

Так что лежащий перед вами рассказ о днях Виталия Бианки в Прикамье ведется сразу тремя авторами: мной с В. Русановым и самим В. Бианки.

ДВА ЗАМЕТНЫХ ГОДА

Бианки Виталий Валентинович (30.01 ст. стиля, 11.02 н.ст. 1894 г.), Петербург — 9.06.1959, Ленинград), русский советский писатель. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Петроградского университета.

Уточняю. «Русский писатель» — да. «Советский» — потому что жил и писал в годы советской власти? Думаю, что она, по меньшей мере, ничем не способствовала его работе и тем более не сделала его жизнь более радостной, хотя бы.

Вот насчет даты рождения — правильно: очевидно, все же 11 февраля, а не 12-го, хотя сам В.Б. и все мы отмечали и продолжаем это делать и по сей день — 12-го.

Учился в университете считанные месяцы, в 1916 году был призван на военную службу. После революции уехал на Алтай. Вернулся в Петербург осенью 1922 года.

Литературную работу начал в 1923 году. Писал для детей. Он сам говорил, что «...писал для детей и взрослых, сохранивших в душе ребенка», то есть лучшие качества человека: широко раскрытые на мир глаза, непосредственность, чистоту помыслов. Кроме того, определение «детский писатель», хотя прекрасно и достойно, все же не может вместить всего творчества писателя — оно шире и глубже.

Увлекательные книги Бианки раскрывают мир природы, учат проникать в ее тайны. Его «Лесная газета на каждый год» (1-е издание вышло в 1928 году) — своеобразная энциклопедия жизни леса и его обитателей. Его сказки, рассказы, повести переведены на многие языки нашей страны, всего мира. Бианки пишет легко и красочно, непосредственно обращаясь к воображению ребенка.

У писателя В.В. Бианки есть удивительно поэтический рассказ — «Чайки на взморье». Он о мальчике, мечтавшем найти клад. И вот море подарило ему матросский сундучок. К сожалению, он оказался пустым. Однако эта находка стала спутником всей жизни героя рассказа: он складывал в него только что созданные им книги. И вот заветный сундучок почти полон. Открывая крышку, писатель, герой рассказа, в зеркальце видит себя, постаревшего. «Но еще он видит

и другое: множество человеческих лиц, которые смотрят на него с любовью, с благодарностью, с дружбой. Это те, с кем делил он горе и радости на долгом пути своей жизни. О ком рассказывал в своих книгах и к кому обращал свои слова, самые заветные, самые дорогие сердцу слова».

По-видимому, рассказ носит автобиографический характер. В таком случае в сундучке нашлось место и для Прикамья.

— Да, «Чайки на взморье» — рассказ в значительной степени автобиографический. Действительно, волны Финского залива прибили когда-то к берегу матросский сундучок, мальчик — Виталий — с волнением: что?, что, что в нем? — его вытащил. Это факт («желудь» — по выражению Марка Твена), которым воспользовался В. Бианки для «выращивания» вполне достоверного рассказа.

В годы Великой Отечественной войны этот уголок страны стал вторым домом для многих людей, чьи родные места были захвачены или разрушены врагом. Среди тех, кого гостеприимно приютили в то суровое время города и села Прикамья, были известные деятели литературы и искусства, в том числе и из Ленинграда, откуда переехал весь Литфонд.

В июне 1942 года в Пермь приехал В.В. Бианки с семьей. Виталий Валентинович писал из Новгородской области, где его застала война, в Областной отдел народного образования г. Перми: «Оторванный от своего родного города — Ленинграда — и не имея возможности по состоянию здоровья принять непосредственное участие в войне с оккупантами, я хотел бы в это трудное для всей нашей страны время наилучшим образом приложить свои силы и способности на пользу Родине... Готов немедленно переехать туда, где могу быть использован шире и лучше».

Но в Перми «крыши нет». По совету знакомого профессора В.А. Кондакова, уроженца Осы, В.В. Бианки вместе с женой Верой Николаевной, дочерью Еленой, сыновьями Виталием, Валентином направляется на пароходе до Осы, расположенной в 200-х км от областного центра. Живут в здании, где ныне располагается музей-диорама «Музей природы Осинского Прикамья».

Тут, мне кажется, надо уточнить. В Перми не остались — а там был Литфонд, многие ленинградские писатели и члены их семей — не потому, что «крыши нет». Это само собой. Важно, что отец не хотел, не считал для себя возможным оказаться в числе тех, кто целиком зависит от литфондовских

пайков. Оса — это отсутствие суеты, возможность спокойно работать и, главное, близость к земле: можно прокормиться охотой и огородом. Так думалось...

Виталий Валентинович записывает в дневнике первые впечатления: «Весна 1942 года. Город Оса. Здесь тихо, красиво, отрешенно. Вид из наших окон широкий, дальний: на улочки под горой, на Каму с ее гористым здесь правым берегом, на обширный заливной луг с пасущимися на нем стадами коров, коз, гусей, стаями грачей и воронов (которых здесь удивительно много). Когда утром поднимается с заливного луга густой туман и между белыми стволами берез сливается с небом, — а небо белесое, одного цвета с туманом, — кажется: за оградой монастыря (мы живем в доме бывшего архимандрита) — конец света. И отрешенность от мира еще больше. И думаешь: да есть ли на свете война? Красного камня громоздкий собор за зеленой площадью... На голом камне — у крыши растет зеленая березка. Какую она там нашла себе почву? Пыль, занесенную ветром с базара?».

Нижняя часть Осы (ниже затопления)

Окрестности Осы теперь неузнаваемы: обширные луга оказались под водами Воткинского водохранилища, которые подступали под самые окна музея.

После тяжелой зимы 1941—1942 годов, нелегкой дороги писатель всей душой стремился к природе. По совету директора Осинского леспромхоза Н. П. Катаева, принявшего большое участие в устройстве семьи Бианки, Виталий Валентинович поселился в деревне Первое Мая. Эти места были исключительно красивыми, лес подходил к самой деревне. Неподалеку — два живописных Чумкасных озера. Именно эти места имел в виду писатель, когда рассказывал: «Жили мы в прошлом году в деревне на Урале. Домик наш стоял на берегу Камы...» (Рассказ «Плавунчик» — 1943 г.). Здесь В. В. Бианки прожил до поздней осени.

Уже в это лето к нам приезжал в гости из Перми В. А. Кондаков, приятель отца еще по Бийску 20-го года. Такая уж была потребность и привычка у отца: чуть устроится на жительство где-либо, если место нравилось, звать к себе. Вадим Александрович по профессии геолог. Он любил рисовать, делал небольшие акварели, а осенью 1957 года прислал их в подарок Виталию Валентиновичу. Отец отзывался: «...Я хорошо помню, как Вы писали у нас в Маю эти акварельки, — и всем нам очень памятни и приятны эти «картинки из прошлого» — того пусть трудного, но все же дорогого времени, прожитого в такой красоте!».

Писателя часто видели с ружьем, биноклем и блокнотом в руках. В прикамской природе он черпал темы для эпизодов

своих произведений. Его записные книжки, дневник включают описания окружающего мира.

По возвращении в Осу семья Бианки поселилась в доме по ул. Интернациональная, 36 (ныне № 42), на втором этаже. Сейчас об этом напоминает мемориальная доска: «В этом доме жил и работал в 1942—1944 годах советский писатель Виталий Валентинович Бианки (1894—1959 г.г.).»

Мы занимали половину второго этажа этого частного дома. С лестницы—вход на кухню, ее быстро проходишь: холодная. За дверью коридорчик. Слева отцовский «кабинет» (там стояли две кровати, у окна стол, перед ним стул — все). Вторая комната побольше, угловая, четыре окна. Посередине стоял стол, над ним слабая лампочка. Как мы вчетвером размещались на ночь — не помню. Наша семья состояла из 6-ти человек, а не из 5-ти, так как с нами всегда была наша няня Саша (А. Е. Кольцова — 1890—1974), помощница и друг семьи, жившая у Бианки с 1906 года.

Центром всей нашей квартиры в прямом и переносном смысле была круглая железная печка — наше счастье, так как не только обогревала, но варила и пекла в чугушке картошку, удивительно вкусную!

Виталия Валентиновича глубоко волнует краеведческое дело. Благодаря его усилиям 17 ноября 1942 года состоялось общее собрание местных любителей краеведения. В Осинской типографии была отпечатана тиражом 60 экземпляров повестка собрания, в которой указывалось, что с докладом на тему «Проект постановки краеведческого и музейного дела в г. Осе и Осинском районе» выступит член Географического общества Всесоюзной Академии наук писатель В. В. Бианки.

Веско звучали слова доклада: «Чтобы наша затея не показалась пустым донкихотством, вспомним, товарищи: человек не может жить одними мыслями о войне и удовлетворении своих потребностей — одним суровым настоящим. Человек жив мыслями о будущем... Значит нам необходимо такое дело, которое даже сейчас — в самое трудное для нас время, — подготовляло бы это счастливое будущее! ».

Тут хочется добавить, что Виталий Валентинович в 20-х годах был организатором краеведческого музея на Алтае, в городе Бийске. Теперь этот музей носит его имя. В Боровичах Новгородской области он прочел «Слово о краеведении» на районной конференции учителей, говорил, что «краеведение» в широком смысле есть, в сущности», «жизневедение» в неограниченном масштабе, начиная с местного быта». В этом большом и серьезном докладе писатель высказал мысли по очень широкому кругу вопросов, мысли эти для него основополагающие.

Виталий Валентинович вел большую работу по изучению Осинского района, с интересом исследовал птичий мир. В Осинском краеведческом музее хранится экземпляр книги «Иллюстрированный путеводитель по Каме и Колве...» (Пермь, 1911 г.). На стр. 68—72 приводится список 270 птиц Прикамья. Из выходных данных путеводителя следует, что этот список составил В. Л. Бианки — отец писателя! Валентин Львович был изветным ученым-биологом. В упомянутом экземпляре книги имеются карандашные пометки писателя. Оказывается Виталий Валентинович отметил в этой книге 140 видов птиц, встреченных им в Осинском районе. Так спустя много лет в далеком Прикамье нечаянно встретились ученый и писатель, отец и сын.

И тогда же сын Виталия Валентиновича, тоже Виталий (1926 г. рождения, в будущем ученый-орнитолог), переписывал эти длинные списки, составленные дедом, а также «Список рыб бассейна реки Камы», 1911 г. Л.С. Берга, друга и сослуживца деда, известного академика. Сейчас эти большие аккуратные листы передо мной, красным карандашом подчеркнуты виды животных, которые удалось им самим наблюдать. Не зря отец в те дни писал: «Старший сын теперь с головой ушел

д. Заводчик. Июнь 1943 г.
д. Заводчик.
Вит. Бианки, младший.

в орнитологические наблюдения... он уже готовый орнитолог — и со страстью».

Осенью 1942 года Виталий Валентинович становится общественным охотинспектором. В.В. Бианки сделал описание Осинского лесничества в охотохозяйственном отношении, составил проект организации заказника. Елена Витальевна сообщила мне, что в архиве писателя сохранились записи по научному отстрелу животных Осинского района.

В это время в Прикамье появилось много волков. Нередкими были случаи преследования ими собак даже в черте города. Особенно большой урон волки наносили скоту, что было немаловажным в ту военную пору. Такое положение беспокоило общественность района, в том числе и В.В. Бианки. 29 ноября 1942 года в осинской газете появляется заметка писателя «Истребляйте волков».

Из дневника писателя. 29.11.42 г.: «...Выступал на слете охотников-промысловиков р-на в РайЗаготЖив-Сырье. Делал докладик на тему: «Охота на волков с флажками» — что должен знать окладчик. Было человек 15 охотников.

Вышла в газете «Красное Прикамье» моя статья «Волки», сокращенная в 4,5 раза, с измененным названием и с одной моей подписью. Под моей статьей было 4 подписи (Катаев, Арбузов, Фейгин и я) и 3000 печатных знаков».

Коренным осинцам до сих пор памятна следующая история. Журнал «Дружные ребята» объявил конкурс на звание «Юный охотник». Под влиянием Виталия Валентиновича ученики средней школы создали кружок юных охотников. Ребята устраивали засады на волков. Однажды двум семиклассникам — Толе Юсупову и Коле Катаеву удалось «взять» волка. Однако права на него тут же предъявили подросшие взрослые охотники, которые, оказывается, подранили его. По совету В.В. Бианки ребята обратились в суд. В день заседания вся школа пришла «болеть» за своих друзей. Пришел на заседание и Бианки. Его выступление решило дело в пользу юных

охотников. Писатель-охотовед блестяще доказал, что волк полностью принадлежит тому охотнику, кто его добыл. Это согласуется со всеми правилами охоты.

Волки действительно бегали по улицам города—сама видела, возвращаясь домой в новогоднюю ночь из Дома культуры: бежит спокойно по нашей улице волчина. Может быть, ошибаюсь—собака? Но со мной был друг мой, биолог А. Меженный, подтвердил—волк. Пришли домой, рассказали отцу.

Виталий Валентинович постоянно общается с детьми—многие из них стали юными друзьями писателя. В Осе, в детских домах, жили эвакуированные дети, в том числе и из Ленинграда. В.В. Бианки часто встречался с ними, записывал истории их жизни. Он мечтал «написать что-нибудь дельное о детях, вырванных из городских теплиц и пересаженных в суровую почву Урала». Елена Витальевна рассказывала мне, что у отца есть неоконченный рассказ об эвакуированных детях. Но он, видимо, им не был доволен—так к нему и не вернулся.

Это приключенческая повесть о двух ребятах, убежавших из детдома. Называлась она «Тит и Пуд». Может быть, некоторая искусственность в ее построении не удовлетворила автора. В октябре 43-го года Виталий Валентинович пишет сыну: «...Кончу с этой работой («Описание Осинского Лесничества в охотохозяйственном отношении»—Ел.Б.)—и сразу же за «Тита и Пуда». Теперь они будут называться кратко: «Клад». Передумал всю вещь с начала до конца—по-новому. Хочу сделать из этого настоящую краеведческую повесть: таких ведь нет у нас. А очень и очень нужны. Все сроки со сдачей этой вещи я пропустил. И уже подходят сроки другим вещам...».

Вот воспоминания одного школьника, ныне пенсионера Н. П. Устинова о встрече писателя с детьми: «Виталий Валентинович пришел к нам в школу в один из зимних дней 1942—43 годов. Ребята делились с писателем впечатлениями от прочитанных рассказов. Помню, Бианки тепло поблагодарил меня за пересказ «Мурзука». Затаив дыхание, мы прослушали рассказ «Птички разговоры» в мастерском исполнении автора. К нашему восторгу, он превосходно подражал птичьим голосам. Писатель прочел по рукописи рассказ «Приказ на снегу», написанный в Осе и еще не опубликованный. После этого завязалась душевная беседа. Виталий Валентинович

говорил нам о бережном отношении к окружающему нас живому миру. Он просил собирать материалы о зверях, птицах. И эта влюбленность писателя в природу произвела на нас огромное впечатление».

Пожалуй, уместно будет тут привести рассказ самого писателя о подобной встрече с детьми. Письмо того времени — март 1943 года, а переписка и дневниковые записи — это самое достоверное, что нам остается от прошлого, даже если сам пишущий подчинялся привычной внутренней цензуре. Мы, живущие в другую эпоху, этот фактор можем учесть.

3.03. 43 г. г. Оса. «...Удивительная штука произошла со мною на этих днях. Помнишь: в последнем письме я говорил тебе, что не могу писать, надо кончать с этим делом,— книга, над которой я работаю, захрясла у меня. И действительно: от муки писать в здешних условиях я дошел до такого состояния, что **перестал совсем ощущать материал и себя, не мог уже понять, что хорошо и что плохо в моей работе.** И решил написать в редакцию, что отказываюсь, прекращаю работу, не могу. Но перед уничтожением рукописи прочел ее дома и в одном московском интернате — ребятам. Эффект получился совершенно для меня неожиданный: не только хорошо, — с увлечением слушали два часа, не дали даже перерыва сделать. Высшая награда: мальчик, который накануне получил весть о гибели отца и был до того мрачен, что за него боялись,— на чтении хохотал от души и получил разрядку своего горя. Воспитатели приняли это, как чудо. (Но ведь искусство, если оно настоящее, и есть чудо!).

В чтении проверяешь себя; проверив на слух, я убедился, что вещь моя совсем не безнадежна. Вот и спешу похвастаться тебе. Готова только половина вещи, но сейчас я, кажется, был бы в состоянии работать день и ночь, и в неделю кончить: так подействовал успех. («Актёру необходимы аплодисменты»). Однако, хозяйственные работы занимают половину суток, а другую половину звенит в башке проклятая «проголодь», малокровие. Так и не дорвусь до стола— есть, сосредоточиться, набрать высоты и скорости. А вот-вот сорвусь в Москву...».

«Наша изба у околицы дер. Заводчик Верх-Давыдовского с/сов. Осинского р-на Моло-товской обл.

Август 1943 г.
(из дневника В.В. Бианки).

Летом 1943 года Бианки живут за Камой, в деревне Заводчик. В письме от 14-го июня Виталий Валентинович сообщает: «Наша изба крайняя — у самых ворот околицы». Во время недавнего пребывания Елены Виталиевны в Осе, я с ней совершил пешее путешествие в Заводчик. Сохранился дом с «кабинетом» писателя. В память о Заводчике 1943 года Елена Виталиевна увезла в Ленинград несколько саженцев.

Это были маленькие пихточки—«ласковые елки». Из Ленинграда весной я их отвезла в Новгородскую область, там у нас с мужем стоит деревенский дом на берегу красивого озера. Посадила их на соседнем участке, где когда-то отец мечтал построить себе дом. У нас ведь в лесах нет пихт. Эти будут напоминать о Прикамье.

Писатель продолжает работу над своими произведениями, адресуя их самому требовательному читателю— детям. Приходится шлифовать каждое предложение, снова и снова возвращаться к напечатанному. Писатель стремится «такое написать, чтобы в самом простом изнутри сияло чудо, как оно и есть в природе» (из письма из Заводчика от 5 июля 1943 года). Именно от общения с прикамской природой родились тихие вдохновенные поэтические строки из «осинского» рассказа «Бешеный бельчонок»: «Лес весь сверкал, переливался разноцветными веселыми звездочками, каждый листок, каждая травинка и мшинка блестела, улыбалась капельными глазками—солнце еще только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и елочки были в паутинках, и каждая паутинка была унизана крошечными водяными жемчужинами».

На земле Прикамья В.В. Бианки встретил немало друзей. Один из них — писатель И.С. Соколов-Микитов. Писатели сблизились и подружились еще перед войной, вместе ехали на Урал. Позднее И.С. Соколов-Микитов нередко приезжал в Осу, встречался с Бианки. Встречи были желанными и тогда, когда Иван Сергеевич некоторое время проживал в Субботино, в 13 километрах от Осы.

Дружеские отношения сложились у Виталия Валентиновича с Н.П. Катаевым. Писатель был частым гостем в доме Катаевых на берегу Осинки. Нередко к ним присоединялся Соколов-Микитов. Длинными вечерами они беседовали о военных событиях, о жизненных невзгодах и судьбах близких и далеких людей, делились творческими замыслами, дружески спорили. В семье Катаевых хранят экземпляр книги В. Бианки «Нечаянные встречи» (1947 г.). На форзаце читаем дарственную надпись автора: «Дорогому Николаю Панфиловичу на добрую память о нечаянной встрече в трудные годы войны. Вит. Бианки. 1.10.47 г., Ленинград».

К началу 1943 года в Осу приехал московский писатель Б.А. Шатилов, человек нелегкой судьбы. В первые месяцы войны воевал, был в ополчении, попал в партизанский отряд. Высокий, весь седой, удивительно добрый человек, он дружил с Бианки.

Особенно близко они сошлись в Заводчике.

«Я был счастлив в друзьях» — сказал как-то отец. Верно, друзья у него были замечательные, интересные. И.С. Соколов-Микитов один из них. И я счастлива, что с детских лет была с ними знакома, слушала разговоры старших не только за столом, но и в лесу у костра, в театральной ложе и на нарах в вагоне-теплушке.

Познакомились Иван Сергеевич и отец в начале 30-х годов. Жили в Ленинграде, ходили по тем же редакциям. Оба страстно любили природу, оба охотники — трудно не встретиться, а встретившись — подружиться. Отец уговорил Соколовых на лето выезжать в «наши» места, в Новгородчину, присмотрел в соседней деревне избу. Так продолжалось несколько лет, так же было и в год начала войны. Застраjali на зиму. Вместе эвакуировались через станцию Хвойную в Пермь.

Осенью 42-го года Иван Сергеевич первый раз приехал в Осу, потом в декабре, но охоты на лося не удались — мясозаготовки не получились. Иван Сергеевич побывал в Москве и настоятельно советует и Виталию Валентиновичу переезжать в столицу. Жизнь в Осе — это не на земле и в лесу, как думалось; «подножный корм», то есть огород и охота — дело сезонное, да и какие из нас огородники и промысловики! И нет преимуществ больших городов с книжными издательствами, журналами, возможностью писателю заработать на радио или даже на сценарии к мультфильму.

Так или примерно так рассуждали друзья-писатели. Позже к ним присоединился и Борис Александрович Шатилов, давний, ближайший друг отца. Когда Виталий Валентинович узнал, что семья Шатиловых с московским Литфондом в Елабуге, он посоветовал ему перевезти семью в Осу. Что Борис Александрович и сделал. Сначала они поселились в той же деревне Заводчик, где летом жили и мы, а потом решили остаться там и на зиму. Сам Борис Александрович, пожалуй, больше бывал в Москве, чем на Каме.

Да и сами поездки в те годы отнимали много сил

У Катаевых.
г. Оса, март 1944 г.

Слева направо:
Б.А. Шатилов, Н.П. Катаев, Ив. Сер. Соколов-Микитов.

и времени. Начиналось все с получения вызова. Пока его нет и двигаться нельзя — военное время. Потом — транспорт, это тоже проблема. Помню, как отец уезжал из Осы на «почтовых лошадях» — чем не пушкинские времена? Только менее комфортабельно.

Говоря о тех, кого зазвал отец в Осу, надо упомянуть орнитолога Виталия Андреевича Хахлова. Он приезжал к нам из Перми для охоты на лося. Были Хахлов с отцом на кордоне у лесника Дмитрия Алексеевича Хлебникова. (Кстати, не раззнакомился Бианки с Хлебниковым и после военных лет — переписывались).

Есть в архиве отца подробнейшее описание тех августовских дней 43-го года на кордоне, охотничьих удач и неудач, а также много фотографий, сделанных тогда В.А. Хахловым.

И еще один человек, который попал в Осу благодаря отцу — Андрей Александрович Меженный. Студент-биолог, начал свою «военную

карьеру» рядовым во время войны с Финляндией, был ранен. Участвовал в Великой Отечественной войне тоже рядовым — снова ранен. Виталий Валентинович разыскал его в госпитале в Казахстане. Пытался помочь с вызовом в Пермь для продолжения занятий в вузе — не получилось. Благодаря Н.П. Катаеву, Меженный приехал в Осу и устроился работать помощником лесничего. Уехал Меженный из Осы позже нашей семьи, вернулся в Ленинград, окончил институт. Кстати, он оказался единственным человеком, кто не только отозвался, но и буквально последовал призыву Виталия Валентиновича переселиться в деревню и завести пасеку. (Под «пасекой» отец понимал близость к природе, альтернативу городу).

Из далекой Осы В. В. Бианки поддерживает связь с художниками, редакторами, журналистами. Вот что вспоминает ленинградский художник В. И. Кудров, иллюстрировавший «Лесную газету» Бианки (она вышла в блокадном Ленинграде!): «Волею судеб война нас разъединила на годы. Время от времени мы писали друг другу письма. У меня сохранилась открытка из Осы, датированная 1943 годом. В этом маленьком письме ясно видно его пренебрежение ко всему обывательскому и мещанскому. Виталий писал: «Пожалуйста, сходи на мою квартиру (увы, теперь бывшую) и перенеси оттуда наиболее ценные вещи куда-нибудь, чтоб они не пропали. Разговор, собственно о книгах и рукописях моих, больше там ничего ценного нет». Я хорошо понимал его желание сохранить «чекан души своей». Более ценного у людей искусства ничего нет».

Не могу не сделать маленькую поправку к воспоминаниям Валентина Ивановича Кудрова по поводу «Лесной газеты», выхода ее из печати в «блокадном Ленинграде». На этом — У-м издании — представлена дата выхода — 1940 год. Может быть, самый конец года, может быть, часть тиража допечатывалась позже, но не через год же!

В феврале 1944 года Виталий Валентинович по вызову Наркомпроса выезжает в Москву, а летом того же года уезжает из Осы окончательно. В столице, а затем и в Ленинграде писателя ждала дальнейшая литературная работа.

Виталий Валентинович и его близкие тепло вспоминали года, проведенные в Осинском районе. Вера Николаевна писала в 1969 году краеведу В. П. Шилову: «Вспоминаешь хороших,

добрых, отзывчивых людей, среди которых прошли те годы. Вспоминаешь быструю Каму, чудесные лесистые ее берега, Заводчик, где проводили лето...».

Да, не состоялась детская мечта, не нашел Бианки пиратского клада. Но в «заветном сундучке» писателя оказались несоизмеримо более дорогие сокровища. Как и герой рассказа «Чайки на взморье», В.В. Бианки сумел «опыт свой, свои открытия — большие и маленькие — передать людям-братьям». И люди помнят этого необыкновенного человека, чуткого душой, давшего миру замечательные произведения об окружающем нас живом мире. И Прикамье не является исключением. Об этом свидетельствует название одной из прибрежных улиц в Осе и детской библиотеки в Перми — они носят имя писателя Бианки.

Владимир Николаевич Русанов окончил свой рассказ о писателе Виталии Бианки. Мне же хочется продолжить знакомство читателей с Бианки-человеком. Пусть в наш разговор вступит он сам! У меня в архиве сохранилось много свидетельств тех двух заметных лет. Это черновики и беловые рукописи рассказов, дневниковые записи, стихи, которые складывались у него в трудные, грустные дни, или шуточные к празднику в Лесхозе; естественно, записи об охоте-кормилице, конспекты будущих выступлений по самым разным вопросам. Да мало ли еще что. Вот, например, записи частушек, услышанных в деревне, большое количество местных слов и выражений. И, конечно, — письма. Боязнь в переездах потерять связь с близкими и родными, необходимость поддерживать в трудные дни, заставляли нас писать и писать письма. Это становилось чуть ли не главным делом каждого дня. А письма на фронт! Верилось, что они несли с собой адресату какую-то охранную силу. Кстати, один из друзей Виталия Валентиновича говорил, что в день получения от него письма он верил, что с ним ничего плохого не случится.

Возвращаясь мысленно к тем, уже отдаленным, годам, пытаюсь посмотреть на самого близкого мне человека, отца, как бы со стороны. Вижу его несхожесть со многими другими людьми, ярко выраженную индивидуальность. А это всегда обращает на себя внимание, и не везде доброжелательное. И ему было трудно сосуществовать с тем, что он неприязненно определял как мещанство. Совершенно отрицалось им стремление к собственничеству, накопительству, часто возмущало отношение власть имущих чиновников, а к ним приходилось тогда обращаться за каждым пустяком. Его поэтическое мироощущение, позволявшее глубоко чувствовать природу и рассказывать о ней своим читателям, сталкивалось с необходимостью жесткой борьбы за существование. «А сил нет, простых физических сил» — как он признался. «Я устал, друг. Не могу больше притворяться перед тобой и другими, что все у нас так замечательно хорошо...».

Если бы нужно было определить одним словом эти два заметных в жизни отца года, я бы сказала — «преодоление». Преодоление своего физического состояния и упадка духа; преодоление мешающих творчеству серьезных помех и мелочей быта; преодоление горечи безразличия и непонимания со стороны людей, к которым шел с тем, что казалось ему дорогим и нужным.

Но... «Человек должен жить страстью, напрягающей его душу». И «во мне живет некая жизнерадостная сила» — так

сказал он о себе сам.

Выбираю некоторые письма и дневниковые записи из осинских тетрадей отца. Они очень разные по темам и настроениям, короткие и длинные, деловые и сделанные мимоходом наблюдения вроде строк: «Итак, пока мы живем у Камы», или «По старинке ночью в Осе бьют сторожа в колотушку».

Так, 9 июля 1943 года—буквально на следующий день по приезде в Осу — Виталий Валентинович должен был вернуться в Молотов, чтобы принять участие в конференции работников эвакуированных детских учреждений. Было решено делать книгу об «эвакодетях» (термин железнодорожников). Задачи большие, авторов много — предприятие сложное. Запасшись отношением от ОблСовета к районным властям о содействии, Виталий Валентинович начинает собирать материал. Его блокнот наполняется конспективными записями. Вот рассказ заведующего РайОНО П.Н. Братилова: «Поездка осенью—уже все замерзло— подготовить в районе помещение и питание для шестисот московских детей. Дорога—грязь, склон, телега едет не столько вперед, сколько вбок. Накануне—в октябрьские праздники—ребят переносили по обледенелому бревну через быструю речку, сажали на другой стороне «как грибки». Поражало спокойствие детей. Когда кормили, дети поднимали руку, прося хлеба.

Переправа ребят— ленинградских—через Каму—в Верх-Давыдовку, Монастырку. На плоту! Без загородок. Ребята в середине, закутаны, прикрыты, а воспитатели сделали живую изгородь по краям плота...».

Кто-то рассказывал жуткую историю. В. Бианки записал: «Идет эшелон с эвакуированными—долгая цепь «холодных теплушек», t— —36° С. Машинист останавливает состав на разъезде. Почему никто не выходит? Слезает, стучит в «теплушку». Никто не отвечает. С усилием открывает примерзшую дверь... Замерзли».

Задуманный сборник не состоялся. По поводу своей работы в нем в письме от июля 1945 года В. Бианки говорит: «Писал, но не довел до конца, — перебила другая работа. Сырого материала (записок) много. Он тоже у меня на очереди; примусь за него, когда будет, наконец, у меня спокойная «келья под елью». Материал этот совсем не злободневный и мог бы иметь значение и через много лет после войны. Основная тема: городские («уличные» и «комнатные») ребята, внезапным катаклизмом вырванные из привычной городской жизни и брошенные на «мать—сыру землю»; во время

мировых катаклизмов человек всегда оказывается вновь лицом к лицу с природой («голый человек на голой земле») — и узнает в ней забытую мать; детям это чувство родства с природой доступно больше — скорее и ярче, чем взрослым».

Е.В. Бианки.

ИЗ ОСИНСКОЙ ТЕТРАДИ

08.42 г.

«Есть слова-включатели и слова-рубильники. Включатели: щелкнуло и сразу в комнате все стало видно. Щелк— и все в комнате скрыла тьма. Рубильник: раз! — и во всем здании светло (слово — «любовь»); рраз! — и ничего нет, тьма. (Слово — «смерть»).

* * *

Вечная вражда между педагогами и писателями (художниками): **педагоги** учат **видеть** — и потом человек видит в живом и мертвом только то, что его научили видеть, — а **писатели** (художники) учат **смотреть** — открывают глаза на мир, приучают рассматривать его. А **обыватель** («ученик») только **гл ает** на мир, — не смотрит и не видит: обычного мы не замечаем, только глазеем на него.

* * *

12.10.1942 г. дер. 1-е Мая.

«...Оказывается—великое дело семья! Все равно, как ни крути, жизнь каждого состоит из мира внешнего и мира внутреннего. Семья— это увеличение внутреннего мира, увеличение его тепла, уюта и— бессмертья. Как ясно я это

г. Оса. В.В. Бианки. Ел.В. Бианки. Вера Ник. Бианки.

чувствую сейчас, когда в мире внешнем такая долгая настала ночь, и ветер, и холод, и смерть, смерть!

Наверно, очень много недостатков в моей семье, многие из них я отчетливо вижу, — но как же я счастлив тем, что пока все мои живы-здоровы, и все мы вместе!..

Знаю: я преступно мало пишу тебе. Это из-за крайнего нашего неустройства. Уже давно, имея в кармане ордер на квартиру, мы перекинули почти свои все вещи в Осу, — а квартиры не получили, — живем теперь как цыгане, приютившиеся на зимовку в чужой избе.

Кроме углышка стола, капли чернил, да двух-трех листов мятой бумаги у меня здесь ничего нет. Целыми днями пропадаю в лесу».

(Из письма на фронт Г.П. Гроденскому).

(1 октября 1942 г. Горжилуправлением был выдан ордер на квартиру в доме Горсовета по ул. Советской, № 52. Почему не получили эту квартиру — не знаю. Ел. Б.).

* * *

20.10. 1942 г. Дер. 1-е Мая».

«Приезжайте! Остаться там при Ваших больных сердцах, — самоубийство. Да и не нужны там инвалиды. А здесь врачи очень нужны и «на гражданке». Большие города сейчас — гибель. Жить можно только на земле или у земли. Знаю, Вы не любите деревни, вернее — деревенских; но горожане сейчас еще хуже. Здесь у Вас будет и хлеб, и молоко, и картошка. Найдется время и посидеть с удочкой, и пройтись с ружьем. Дичи тут очень много (и лесной, и водоплавающей), масса зайца и удивительное количество лосей. Я уже получил разрешение на отстрел одного самца; получу еще. В мясе здесь и у Вас недостатка не будет.

Навигация по Каме скоро кончится. От Молотова до Осы придется ехать два дня (120 км) лошадьми. Но это дело тут налажено, — путешествие не страшное.

Как только пришлете весть, что скоро выезжаете, вышлю Вам в Молотов до востребования письма к моим молотовским знакомым и в Облисполком, с которым связан. Там Вас подкормят и примут хорошо; дадут письма сюда.

Пишите же и выезжайте скорее. Крепко помните: есть на Земле люди, которые будут рады Вам от души, к которым Вы приедете, как домой.

Поспешите, — и Новый Год мы встретим в Мае за рюмкой

самогона, — закусим лосятиной.

Ваш Виталий».

(Письма сестре жены Н.Н. Ключевой и ее мужу Б.А. Яроцкому в блокадный Ленинград. Ел.Б.).

* * *

Волки.

«В прежнее время — всего только полсотни лет назад — для задержания волков и лисиц на месте не требовалось красных пахучих кумачевых флажков: достаточно было обойти их на лыжах, — и волки ни за что не выйдут из круга, пока от лыжни пахнет человеком. Так окладывали волков и лисиц — и успешно охотились на них.

Теперь здесь волки спокойно перешагивают лыжню. Пройдет время, они поймут, что и флажки им не страшны. Тогда надо будет придумывать еще что-то новое, чтобы удерживать их в окладе силой страха».

* * *

«Не первый день уже рвали рабочие на вырубке пни аммоналом. Еще раз заложили мину и отбежали. Глядят, стоит матерый волк недалеко от них. (Было лето, надо думать, рядом тут были его волчата).

Грохнул взрыв. Куски пней дождем посыпались с неба. Несколько упало около самого волка. Волк даже головы не повернул к ним: он привык, он знал, что не в него нацелены снаряды, — не первый день рвали аммоналом пни на его вырубке».

* * *

«Один охотник решил подманить волков на собачку. Вышел из деревни (Субботино), пустил собачку вперед. Волки собачку съели, а охотнику и не показались».

* * *

Январь 1943 г.

«Салотопка. В одном км от г. Осы к Каме у зимника на Богомягково.

Вроде блокгауза: избушка и самое деревянное строение салотопки обнесены сплошным забором.

Внутри у ворот — цепной пес на блоке. Еще две собаки (беспородные). Они невероятно (сейчас!) жирные: жрут конину до отвала.

Большое помещение занимает лошадиный морг. Все павшие от истощения лошади (а таких сейчас без конца) свозятся сюда. Свиньи тоже.

В избушке живет одна молодая женщина («красноармейка») с тремя детишками. И вот жизнь: целыми ночами воют от страха, зачувая волков, собаки. Робкая женщина не спит ночей: безоружная, ждет, что вот-вот ворвутся волки в ограду и в самую избу (!).

Здесь мы с сыном, Николаем Панфиловичем и с С. П. Лукьянчиковым дежурили ночь (на чердаке) у привады.

Волки не пришли».

* * *

27.01. 1943 г., г. Оса.

«...Беда глухого нашего здешнего житышка в том, что ни на что не хватает времени и сил. Большая часть их уходит на ту же, все ту же «жизни мышью беготню», раздражающие мелочные заботы о поддержании (о большем мечтать не приходится!) своего и семьи физического существования. Из-за этого я не успеваю работать столько, сколько надо (а надо писать мне сейчас очень много). Из-за этого я не могу любоваться днем солнцем в снегу, ночью — звездами в постоянно чистом здесь небе. Из-за этого не могу отправиться на недельку в лес — добыть лося, или хоть покараулить у самого города волков (которые вчера ночью зарезали козу на площади в центре Осы).

.....
О здешнем твоём ученичке — Н.Т. Шелонине (директор ЛесПромТорга — Ел.Б.) — тоже ничего прелестного сообщить не могу. Жалуются на него все. И мне он не по душе. Какого-то американского барина из себя разыгрывает. Сам приглашал заходить к нему, предложил помогать чем может, но во второй раз милостиво отпустил на нас шестерых — 0,5 кг крупы и 50 (!) гр масла... Что ж он думает, ежели у меня брюхо пустое, то я на этом брюхе и поползу к нему? Ох, уж эти мне ничтожества, на безлюдии попавшие на директорские стулья и воображающие, что они превыше всех!..

Жил и проживу, не кланяясь таким. Уж есть у меня настоящие друзья, нелицемерные, — и становится легче жить тут не только желудочно, но и душевно».

(Из письма на фронт Г.П. Граденскому).

* * *

1943 г.

14.01. — утром — —46°C

днем — —42°C г. Оса

15.01. — утром — —51,5°C Кама (пристань)

днем — —48°C

17.01 — мороз стал спадать,

18.01. — пошел снег и сразу значительно потеплело.

1.02. — утром в городе — —52°C.

* * *

24.02.1943 г.

«Наука убивает живое

Искусство воскрешает мертвое

Живая и мертвая вода

Во всех сказках, чтобы воскресить мертвое, разрубленное на части тело человека, его спрыскивают **сперва мертвой** водой (и разрубленные части тела срастаются, —но тело еще мертвое), а потом **живой** водой — от нее человек воскресает, открывает глаза и произносит: долго же я спал!

Это — один из глубочайших сказочных (т.е. наиболее глубинных) образов.

Так художник **сперва** с циркулем в руках изучает анатомию (мертвое, убитое тело), делает себе чертеж-план (части тела срастаются, но еще мертвы) и **потом**, брызнув на мертвый план живой водой своей фантазии, — воскрешает его, — воплощает в образ (иногда из глубины веков).

* * *

25.02.1943 г., г. Оса.

«...Бросить все и отдаться одной охоте? Этим можно жить, потому что человек должен жить страстью, напрягающей его душу. Но — сил нет, простых физических сил.

Ну, к черту об этом!

.....

Для того и стремлюсь в Москву сейчас, чтобы как-то наладить себе заработок: дальше так не просуществоешь. Но вызова из Москвы все нет и нет, — хоть и обещают. А вернуться необходимо к апрелю: иначе распутица — и застрял.

Вот и сижу и жду. Всеми силами стараюсь писать. Но выходит плохо: ежеминутно и ежедневно отвлекают жратвенными делами, нервничаю страшно и в башке пустота и боль от малокровия...».

(Из письма на фронт Г.П. Гроденскому).

* * *

18.03.1943 г.

«Утром в Осе на площади за нами сгорел домишка. Через день раскопали погреб. Он набит был картошкой. Верхние ряды ее испеклись, — готовый обед. (Нижние сохранились в неприкосновенности). Работавших ждал роскошный обед, каких они не видят в столовых. На базаре тут сейчас цена картошки — 500—600 руб. пуд».

* * *

Март 1943 г.

«...Сейчас в Москве один из близких мне людей — некий Борис Александрович Шатилов, писатель (...), человек он редкой чистоты, ясного ума, большой доброты».

Из письма В.Б.

* * *

1943 г.

«Какое громадное дело — друг! Совсем по-другому теперь чувствуем мы себя. Вчера опять заболтались почти до рассвета...

Чудесный он человек, БорШ-то... (Борис Шатилов — Ел.Б.)

Из письма В.Б.

* * *

20.05.1943 г.

«Утром ушел БорШ на пристань — ехать в Елабугу за семьей. Просидел на пристани весь день и полночи. С пристани прислал нам открытку:

Всякую мелочь, малейший пустяк
Выплачь, выстрадай, выстони!
Доколе же, боже? Доколе же так?
Думал я, сидя в Осе на пристани.

Послал открытку 27.05. Пришла она 20.06. Ровно месяц с пристани до города! Штамп молотовский: путешествовала, значит...»

* * *

10.06.1943 г.

«...В сущности все то счастье, которое испытываешь здесь, в тишине и красоте — мираж. Или мираж вся остальная «жизнь» — то, что мешает нам жить.

Вот мне надо работать, очень много работать: четыре книги для ДетГИЗа, две передачи в месяц для московского радио, очерки для ТАСС, рассказы для четырех журналов. А как работать, когда все время душа не на месте?..»

(Из письма).

* * *

16.06.1943 г.

«Состояние отчаянное: только одно с великим трудом наладишь, укрепишь; расположишься работать, — кррах! — другое треснуло и опять дом разваливается. А худшее: что нет сил уже бороться: душа омертвевает.

Мучился этим, сидя в лесу. Кругом молодые пихты протянули свои ласковые руки, растопырили нежные светло-зеленые пальчики (молодые побеги).

Смотрю, — одна пихточка (как сестры — в темно-зеленом платье) в красивых рыжих митенках: на концах веток перед светло-зелеными кончиками — пальцами — широкий (как завернутый рукав) ободок: сожженная (побитая морозом?) мертвая хвоя.

Значит: кончики омертвели. Смерть? Нет, — опять еще не смерть: смочил теплый дождичек, осветило солнышко — и пошли новые побеги. Опять живет дерево и радуется жизни.

Мне стыдно за себя, — стыдно своего похоронного настроения.

И верно: опять легче стало, почувствовал, что еще жить буду, жить — радоваться солнцу».

* * *

20.07.1943 г.

«...На Зуихе кряквы, чирки, мородунки и четыре кулика-

сороки. Слышал я их крик и прошлым летом, но запомнил, — не решился отметить. И так, — еще новый вид. Очень любопытное наблюдение сделал Валька над воронами на Зуихе: они собирают там на гальке что-то (ракушки?), берут в клюв, поднимаются в воздух метров на пять, роняют добычу на землю и сейчас же слетаются к ней и поедают. Ворон так много, и занимаются они этим делом все время, каждую минуту взлетают с добычей в клюве, — и я убедился в этом сам в бинокль...».

(Из письма сыну Виталию).

24.08. 1943 г. Заводчик.

«...Я вчера спас Плавунчика (кулика) от двух ворон и сокол (пустельги), на пруду он затаился под мостком и сел там на бревнышко. Я его поймал и отнес за ферму на озерко вроде большой лужи, чему он страшно обрадовался.

...Теперь у меня есть обувь: лапти. И я свободно хожу по вырубке и по всякому лесу...».

(Из письма младшего сына брату Виталию).

(Эти наблюдения одиннадцатилетнего сына дали В.Б. темы для двух рассказов).

* * *

6.11. 1943 г.

«Шуточные стихи, прочитанные на праздничном застолье 6.11. 1943 г. в конторе Лесхоза:

Всего Прикамия краса
И роза — городок Оса,
А всей Осы краса и роза
Контора здешнего Лесхоза.

Местные слова и выражения:

маленько подружитесь (Д. А. Хлебников) — потеснитесь
охотно с вами согласен (Д. А. Хлебников)
прогагарил (Д. А. Хлебников) — прозевал
воровство нынче расселилось без меры
кто к чему сроден — к какой работе
в самом прыске — в самой силе, о молодом человеке
Жми, Ванька, — бога нет!

(Слышал в Осе, в столовой партактива)».

* * *

11.1943 г.

«Хозяйка нашего дома (...) отвратительная махровая мешанка с двойным (как свисток рефери на футболе) голосом — лучший признак ханжи! Ее слащавое лицемерие в любую

минуту может перейти в наглую ругань.

В Осе многие считают ее «идеальной хозяйкой», хотя и ненавидят «хозяйственность» ее — жадное, тупое скопидомство. Так на мои слова, что в ее интересах отремонтировать крышу в кухне нашей квартирки, она безмятежно ответила: — А мне наплевать: ведь эта часть дома не моя, а сиротская (живущих у нее племянницы и племянника). Как все скупые, она день и ночь со страхом думает о ворах. И всех считает ворами, за всеми следит день и ночь.

Она не смазывает отвратительно скрипящие свои ворота, чтобы всегда слышать, когда жильцы ее входят и уходят.

* * *

«Осинские нравы.

О.А.Н. (жена директора средней школы), член ВКП(б), снята со службы в детдоме за кражу хлеба осенью 1943 года и назначена зав. карточным отд. Горисполкома. В январе 1944 г. снята с этой должности за грубость и назначается... зав. 29-м детдомом.

Помощником директора Музея назначен Георгий, имеющий образование — два класса, племянник старожики музея».

* * *

Из охотничьего дневника.

В августе 1943 года Виталий Валентинович пригласил на охоту за лосем профессора-орнитолога Виталия Андреевича Хахлова и старшего охотинспектора по области Евгения Николаевича Медведкова. Они приехали к нам из Перми, через три дня втроем вышли на кордон к леснику Хлебникову.

По пути на кордон, где решено было сделать временную базу, охотники в чаще увидели молодого лося, стреляли но...

(далее из дневника В.Б.): «Лось поглядел на нас — и тронулся. Пошел скачками, — как ни в чем не бывало. Мы выбежали на след, — ни кровинки. Пошли по следу. Дождь, холод. Но вот мы в теплой избе, нас встречает милое семейство Хлебниковых.

В десятый раз переживаем свою неудачу. Уже темнеет за окнами. И вдруг Виталий Андреевич говорит:

—Постойте, так как же так: ведь вот они — пули! Обе здесь.

И вытаскивает из патронташа два жакана.

—Я их переложил, когда пошли за утками, не на место. Вместо них сунул два патрона восьмерки. У меня и было всего два патрона восьмерки. Если их нет, значит я по лосю стрелял восьмеркой. На сто шагов-то!

Проверил, —восьмерки нет.

Почесалось же лосю от таких «пуль»!

Старый зверятник (бил много косуль, кабанов, горных козлов и баранов) Виталий Андреевич и смущен, и раздасадован — и смешно ему.

Медведков читает нам нотацию: дескать надо всегда посмотреть чем заряжаешь,—прежде чем стрелять. Утверждает, что на сто шагов дробь-восьмерка вообще не долетит, Виталий Андреевич, наклонившись ко мне шепчет: — Предложил бы я ему стать от меня на сто шагов...

Я проснулся в амбарушке еще затемно.

Вышел за ворота. Чистое небо над головой. А рядом в лесу — настоящий дождь. Часто стучит по листьям, тупо падают на землю большие капли. Это — ветер. Это — в лесу капель. Рассветает,—хорошо идти за вальдшнепом: весь он выйдет из-под деревьев, из-под кустов на дорожки — где лужи и сверху на него не каплет.

Но надо — за лосем.

Бужу Виталия Андреевича: сегодня мы решили идти дозором, стать на караул,—вызвать утренние переходы лосей с ночных жировок на дневные лежки. Уходим без сборов, без чаю. Медведков желает выпасться.

По тракту сворачиваем на материковую дорогу. Внизу, сразу за первым лесным озерком, на свертке,—внезапный шум, треск. Темно. Но и так ясно: пошел лось. Треск прерывается. Опять. И затихло. Перешептываясь, взволнованные бесшумно идем дальше—по дороге, по хребту. Я остался: хочу увидеть этого зверя: уже начинает светать. Виталий Андреевич идет дальше. Я занимаю позицию сбоку хребта, на пне.

Мне холодно: я в одной своей «шахтерке» (так называл отец брезентовую куртку с карманом во всю спину). Но какие это пустяки: мир передо мной прекрасен, прекрасное утро! Из-за леса впереди волнами прибывает снег. Вся гарь в эту сторону (на восток) передо мной как на ладони.

Пожар был здесь летом 39-го года. Густо дымя, долго потом горела земля.

Торф выгорел. Образовались ямы. В них нагромождены обгорелые трупы берез, осин, сосен, елей. И только лиственницы—прямые, высокие стволы, корявые могучие ветви и нежная, легкая как туман зелень хвоя—одинокими великанами остались стоять на этой черной пустынной земле. Железное это дерево не поддается ни огню, ни времени.

Вся огромная гарь густо обросла «мышьяком» (ракитником) и кипреем (Иван-чаем). Вокруг ям, наполненных водой,

ивняк, местами заросли молодого березняка и осинника.

За лесом впереди уже поднимается невидимое еще солнце. Встревоженно засвистела и зацыкала горихвостка, зачѣкала серая славка.

И вот сперва внизу, — где шумел в темноте под нами зверь, — мои глаза улавливают какое-то движение.

Конечно, это он — лось!

Красавец! Могучий, весь удивительно какой-то ладный высокий зверь. Покатый. На широких, откинутых назад рогах два толстых — не то, что у вчерашнего быченка! — отростка. И черный, тугой, длинный пучек под подбородком — солидная борода. И белые ноги — высокие, стройные.

Легко, как по траве, он идет по тугим цепким зарослям лютых кустарников, шутя перешагивая через завалы мертвых деревьев, выворотней, сучьев, — легко и — удивительное дело! — бесшумно.

Испуганный человеком зверь идет напролом, с треском, а идя по своей воле, не переломит копытом сучка.

Не отрываясь, я слежу в бинокль за каждым движением лесного богатыря. Очень волнуюсь, — но бескорыстным волнением: зверь вне моего выстрела (разрывной пулей из гладкоствольного дробовика!). Зрелище захватывающе красиво.

Я точно внезапно перенесен им в ту довременную эпоху, когда большие четвероногие были владыками на Земле, когда сам человек был еще только зверем с таким же сильным и гордым телом, как этот лесной богатырь. Когда жизнь человека еще не была так безнадежно отделена от жизни всей остальной Земли, всего остального живого на ней. И, может быть, так же легко проходил по чертовой чапыге, — я испытал, как по ней лазают — так же красиво.

Белоног шел, не торопясь. Останавливался, слушал, поворачивая спокойную голову то к восточному, то к западному — от него, то есть, к моему увалу. Хотя я сидел открыто, — только что под гребнем и, значит, на небе не силуэтил, — то меня ему видно, конечно, не было: лось ведь подслеповат и глазам не верит, пока не пошевелинешься, — а я не шевелился.

У восточного увала он задержался, насторожился, стал смотреть вперед.

Перед ним в это время поднялся откуда-то из зарослей громадный бычина-одинец. Он так велик и здоров, что кажется приземистым, очень толстым. Сохи тяжелы и огромны, — Бог знает, сколько на них «отростелей»! Могучий зверь.

Он спокоен. Не оглядываясь взойшел на седло восточного

увала — и исчез за ним.

Только тогда Белоног решился двинуться дальше.

Виталий Андреевич, увидев этого бычину, почувствовал настоящий страх.

— Я следил, куда он пойдет, — говорил потом Виталий Андреевич, — чтобы как-нибудь потом не встретиться с ним. Ни за что в эту сволочь стрелять не буду! Настоящий симментальский бык.

Пропустив Симментала, Белоног продолжил свой путь между увалами рысью. Пробежит полсотни метров — и станет, слушает, смотрит. Потом дальше. Добежал до березовой роши («куста») и стал там.

Я перешел к Виталию Андреевичу.

Белоног опять пошел, задержался в лесочке и, в конце концов, скрылся за хребтом.

Солнце уже поднялось над лесом, — раздвинуло мир своим светом.

Вечером мы стояли на озерах — ждали утиног лёта. Я на перешейке, в половине горки. Лёта почти не было. Я не стрелял. Когда смеркалось, послышалось вокруг громкое шлепанье в западном углу озера. Потом треск. Я понял, что это не утки — лось!

А подходя к озерку, поражаюсь следам — необыкновенно большим и круглым, — шедшим от озера через холм и обратно. Эти следы могли принадлежать только одному из местных быков — огромному Симменталу. В ширину и в длину они были больше моей «четверти» — растянутым первому и третьему пальцам руки.

Увидеть зверя в темной впадине озера, в зарослях тальника нельзя было, — темно. Все же, я перезарядил, на всякий случай, Шольберга (так именем фирмы отец называл свою любимую двадцатку) жаканами и двинулся вдоль горки к шуму. Снизу фигура моя, надо думать, маячила над горкой на ярко освещенном небе: позади меня вставала из лесу полная луна.

Послышался короткий глухой и басовитый рев зверя, затрещали кусты внизу, заплескала вода. Я остановился.

Треск удалялся. Замолк. Послышалось тяжелое, гулкое топание по твердой земле холма по ту сторону озера.

Зверь ушел.

Теперь я был уверен, что столкнулся с самим Симменталом.

Взыграла охотничья кровь. Но следующую встречу — при свете! — надо было отложить на завтра.

Утром, утомленные вчерашними походами, все проспали. Посмеялись мы над собой, что так заспались. А бабушка

Хлебникова, Татьяна Петровна, и говорит: — А вот нынче-то, верно, и повезет, и возьмете лося.

Странное дело: и у меня с утра была уверенность твердая, что никуда спешить не надо, — все само собой сделается, — мне сегодня повезет.

Вышли поздно с Виталием Андреевичем и Хлебниковым искать лосей на лёжках. Медведков самостоятельно за утками.

Разбившись в лесу, мы прошли неводом весь квартал. Тут дебри местами непроходимые. Всюду лосиные следы, лёжки — старые и свежие, целые тропы, проломленные лосями в крепких зарослях. Но к удивлению никто из нас не наткнулся ни на одного лося.

Опять делали облавки. Никого!

У озера разделились: Виталий Андреевич и Хлебников пошли его высоким берегом (где я вчера вечером стоял), а я низким — по свежим следам Симментала. Не жалея ног, я стал пробираться в крепи тальника и завалам упавших стволов, перепрыгивать, перелезать со ствола на ствол. Под завалом — вода. Впереди меня раздался треск, шлепанье ног по воде и угрожающий низкий рык.

Вот он — Симментал! Страх у меня был один: уйдет: черррт!.. и не увижу!

Я поспешно вложил жаканы в Шольберга и оставил патронташ с пулями открытым на поясе.

Треск приближался...

Я застыл на двух стволах, поднял ружье: — Вот бы напал! Я,

конечно, успею всадить в него две пули. А кинется—за баррикаду стволов, на которой стою.

Зверь зафыркал. Затрещал опять; уходил в сторону от меня, к холму направо,—где спокойно разговаривали себе мои товарищи. Как они не слышат зверя?! И крикнуть нельзя...

С четверть часа пробирался я к Симменталу, не желавшему почему-то покинуть крепости. И то сказать: нет ему убежища лучше этого! Тут в самом деле «черт ногу сломит»—и только лось пройдет.

Я продвигался вперед очень медленно. Треск и фыркание слышались впереди меня то справа, то слева. Я вспомнил: вчера только Хлебников рассказывал, насколько быки смелее лосих. Долго не уходят от человека, гневно фыркают на него.

Вдруг впереди—шагов за сто—на миг показалась большая голова зверя. Я успел заметить только толстые—с мою руку!—основания рогов. Теперь я был уверен, что имею дело действительно с быком, почти наверняка — с Симменталом (это подтверждали следы его, приведшие меня сюда).

Я опять спустился куда-то вниз,—сандалиями в воду. Опять вылез на стволы мертвых деревьев, в хаосе нагроможденных друг на друга. Скользко!

И вдруг я увидел зверя. Точнее—правый его бок и задние ноги: голова была за кустом. Зверь стоял.

Расстояние было для жакана огромное: шагов около двухсот (метров полтораста). Необходимо было решиться: или отпустить зверюгу без выстрела:—он стоял уже на подошве холма, вышел из тальника,—значит, сейчас уйдет совсем, —или... И я решил стрелять.

Шольберг, родной...

Стоя на скользких стволах,—одной ногой на одном, другой—на другом, выцелил под переднюю лопатку. (Но, верно, глаз бессознательно искал середины видимой цели: как потом оказалось, я несколько обзадил).

После выстрела зверь сразу упал. И пропал у меня из глаз. Зная крепость лося на рану,—сто раз встанет и уйдет еще на километры!—я поспешно открыл Шольберга,—эжектор выплюнул—увы!—одну шапочку бумажной гильзы,—я пальцем вытащил из ствола самую гильзу, вложил на ее место новую пулю.

Взглянул на зверя,—он поднимается!

Я навскидку послал в него вторую пулю,—ноги мои скользнули по гладкой коре березового ствола, — и я ухнул вниз. (Должно быть, больно я ударился локтем обо что-то: потом обнаружил синяк, но тогда не почувствовал боли!).

Сейчас же опять выкарабкался наверх. Смотрю: зверь медленно уходит, поднимается на холм. Мне виден только его зад.

И опять: не целясь, навскид бью... и он падает.

И тут только вижу: это лосиха! Рогов нет...

То, что я почувствовал в этот момент, могу назвать только горем. Настоящее горе. Жалко коровы, жалко осиротевших милых лесных телят. И позор на мою седую голову. Старый охотник...

И сразу как-то вспомнился учитель отца—начитанный, выдержанный Федор Дмитриевич Плеске—зоолог, мудрый охотник. Вспомнилось, он рассказывал — уже лысый старик в феске,—с таким отчаянием рассказывал зимой однажды: был на облаве, убил лосиху,—как — и сам не знает. Не штраф (тогда 50 рублей) волновало его, а как он мог ошибиться?! С тех пор Федор Дмитриевич не стал больше стрелять лосей.

Обескураженный, я забыл даже перезарядить ружье. (Делаю это сразу после выстрела уже бессознательно). И вижу: лосиха моя встает. С трудом, качаясь, но встает, кое-как поднимается в гору.

Вот тебе и Симментал, вот тебе и подвиг храбрости! Что же теперь делать? Мелькнула глупенькая надежда: — А может, ничего? Может ей не очень попало... на таком-то расстоянии?

Но лосиха остановилась, качнулась; передние ноги ее подогнулись, она сунулась головой к земле, — но сейчас же опять поднялась с колен. Какая же тут легкая рана.

Я крикнул своим—они уже поднимались на холм— прямо к зверю:

—Лосиха? (Мне все еще не хотелось верить, что это не Симментал!). Надо добить— и черт с ней!

Я уже злился: на себя, на нее (зачем подвернулась!), на весь мир!

Вижу: Виталий Андреевич подбежал, стал за стволом, следит за зверем (я уже не видел зашедшей за деревья на холме лосихи), поднял ружье, прислонился к дереву... Выстрелил. Кричит мне:

—Упала! На меня идите.

Виталий Андреевич и присоединившийся к нему Хлебников кричат:

—Опять пошла!—и показывают левее.

То проваливаясь, то вскарабкиваясь высоко на стволы, я выбрался, наконец, из чертова болота на холм,— но и тут всюду завалы, а Виталий Андреевич кричит то «вправо», то «влево» и потом: «Она лежит. Мертвая»,—а где— никак не

поймешь.

Наконец, Хлебников спустился ко мне с холма. Виталий Андреевич остался наверху—указывать нам направление. И если б не он,—не найти бы мне моей добычи!

Хлебников,— сначала тоже, потерявший верное направление, наткнулся на нее. Напуганный предупреждением об опасности: тяжело раненые лоси, лосихи даже поднимаются и бьют копытами подходящего человека насмерть, — Хлебников кинул в лежащую на боку лосиху сучком. Она не пошевелилась. Тогда он подошел и позвал меня.

Мне казалось я спокоен, совсем не возбужден. И досада, что убил матку, во мне совсем пересилила торжество охотника и стрелка. Но когда я увидел у своих ног неподвижно лежащего большого зверя и горящие глаза Хлебникова над ним,— я почему-то обнял Хлебникова. Мы горячо поцеловались и поклялись друг другу в вечной дружбе как мальчики.

Зверь и убитый был несказанно красив. Мне захотелось закрыть ему прекрасные глаза. Но веки не опускались — эти темные, глубокие глаза смотрели на лес, на заходящее за холм солнце.

Не знаю, что мы делали первые минуты, стоя над поверженным зверем. Потом рассмотрели, куда попали пули. Потом началось обсуждение: что делать? Было выдвинуто три предложения. Отвергнув два первых, я принял решение объявить о своей ошибке Медведкову — все честь по чести.

И мы отправились домой, предварительно перевернув убитого лося раной к земле (чтобы не добраться мухам).

Ни на следу зверя, ни на том месте, где, побившись чуть-чуть он затих окончательно,—ни где не было ни капли крови. Ну, как найти убитого зверя, если у него внутреннее кровоизлияние, и нет с собой собаки?

На холме перед трактором мы уселись на пни, устроили перекурку. Солнце уже зашло. Мне казалось, я совершенно спокоен. Только когда встал и пошли дальше, я почувствовал, что мне чего-то не хватает,—будто что-то очень дорогое я оставил там, в лесу.

Вдруг спохватился: Шольберга со мной нет! Оставил на пне, где перекурка была. Вот тебе и спокойствие: впервые в жизни забыл ружье!

Медведков принял известие о добыче лосихи сначала с расстройством: «В моем присутствии как раз!»,— но, узнав, что акт «О добыче лося с научной целью» неминуемо попадет в Молотове к профессору Виталию Андреевичу, даже развеселился: «Ну, мясная проблема у нас теперь решена!».

* * *

Об этой же охоте в письме к другу:

30.08.1943 г.

«...С ночной жировки шли покатые звери на дневные лёжки—потихоньку, останавливались, раздумывали, прислушивались—и проходили под нами, как волшебные тени какой-то давно канувшей в вечность геологической эпохи.

О, какие это были зори! Я все забыл, жил в этом чудесном мире, так непохожем на наш теперешний человеческий мир, жил как во сне.

...Я не зверовой охотник, мне тяжело убивать большого зверя—и удачу свою я пережил трудно: слишком похожа охота на этих прекрасных зверей на убийство хорошего человека... Жалею, что прекратил охотничий дневник. Война мешает. Ничего не делаешь, а все некогда. И дневник, может быть, самое главное».

* * *

1.12.1943 г. г., Оса. Письмо В.А. Кондакову.

«Дорогой Вадим Александрович!

Это письмо чисто деловое и срочное.

Дело вот в чем:

Мне поручено Наркомпросом РСФСР организовать и редактировать книгу в 10 печатных листов (авторских) для

дошкольных работников — книгу о природе.

По моему замыслу это должна быть, так сказать, «Первая книга о природе». Задача ее — не справочник дать по естествознанию (такой литературы в Учпедгизе полно, но она никем не читается), а увлекательное чтение о доступнейших явлениях природы, стимулировать у читателя естественную к ней любовь, дать толчок к развитию наблюдательности и размышлению над наблюдаемым.

Достичь этого можно, конечно, только средствами искусства; книга должна заряжать эмоционально, — что может дать только «художественное чтение».

Книга пишется в адрес «детсадовниц», т.е. воспитателей, — и содержит в себе двоякого рода материалы: 1) художественные статьи (не боюсь поставить эти два слова рядом!), очерки, рассказы о том, что — где — когда — и как может наблюдать воспитатель вокруг себя и показать детям; 2) «готовый материал» для чтения и рассказывания детям в виде сказок и рассказов об окружающей их природе. Одним словом, тип хрестоматии, но органически цельный, не из отрывков, а из законченных маленьких разностильных вещей разных жанров.

Материал берется, конечно, самый доступный для наблюдения каждого, где бы — в пределах Средней России — он ни находился.

Как старый царь Берендей, когда он увидел красавицу Снегурочку, хочу запеть «Полна, полна чудес Природа!», хочу показать в малом великое, хочу начать смертельную борьбу с педагогами-чиновниками, интересующимися природой «в пределах курса» и уверенными, что «нет больше тайн природы, а есть голые факты, узнаваемые из газет и учебников» (Зощенко), хочу кричать о бесконечных тайнах и несказанной красоте природы. Хочу, чтобы в журчаньи талого ручейка — детсадовницы слышали победную песнь Весны, в пластах земли видели летопись нашей планеты, в малом цветке

узнавали великое Солнце, в песчинке — гору, в песне птицы слышали радость Вселенной. Хочу, чтобы детсадовницы хоть раз в жизни разбудили ребят ночью и показали им живые золотые миры в бездонном небе, рано утром — жемчужную от солнечного света луну, на закате весеннем — как зажигается, сияет и растет Венера!

Ну, — Вам понятно!

Всего не перечислишь. Важно показать: «обыкновенного», привычного мы «не видим, а ничего «обыкновенного-то» в окружающем нас мире нет: все полно тайны, красоты, все достойно нашего внимания, размышления, восхищения.

Задача большая, трудная.

Привлекать буду больших художников — живых (например, М.М. Пришвина) и «мертвых» (например, Льва Толстого, Аксакова и т.д.) — и «естественников».

Привлечь хочу Вас.

Дайте то, что Вы предлагали дать по геологии для моей «Лесной газеты»: глетчеры в миниатюре, работу ветра, воды и т.д. на самых простых, «обыденных» примерах.

У Вас есть дар поэтического восприятия природы и Вы, — я знаю это! — можете дать как раз то, что здесь нужно. Дайте в каком хотите виде, хотя бы совсем «в сыром»: я подвергну этот материал (конспекты, справочники, сухую статью) «художественной обработке». (Имя, конечно, останется Ваше). Хотите, попробуйте сами дать (создать!) геологическую сказку, геологическую новеллу, геологический, эмоционально насыщенный очерк, — чтобы после него нельзя было усидеть дома, а потянуло бы даже взрослого человека пойти «палькаться» в луже, в ручье и т.д.

Книга будет иллюстрирована. Если первый опыт удастся, возможна в дальнейшем серия таких книг — на разные возрасты...».

(В следующем письме В.А. Кондакову также идет разговор об этой книге. — Ел.Б.).

* * *

13.12.1943 г. Письмо В.А. Кондакову.

«Заручившись Вашим согласием, Вашим «охотно согласен», как тут хорошо говорят (ведь согласиться можно и нехотя!), я сразу почувствовал себя уверенным, — а то право не знал, как справиться с трудной моей задачей, — организовать такую Книгу! (...).

Итак, — «охотники»: за камнями, за птицами, за цветами, зверями, видами, погодой, звездами; за чудесами природы, за

тайнами ее, за внутренним смыслом того, что видим вокруг себя, но — равнодушы — не осмысляем; за великими законами природы. Никаких руководств, учебников, циркуляров, — одна «игра». (Смотрю на здешних учителей, воспитателей — боже, что это за дохлые чиновники! Им только б кое-как выполнить то, что им приказывают, а себя они ни капли в живое дело не вкладывают, — ни кровинки своего сердца, ни самой маленькой **своей** мыслишки, ни тени фантазии — и опошливают, мертвят все, к чему прикасаются).

Жду Ваш календарь с огромным интересом и нетерпением. Чем больше романтики, глетчеров в малой льдинке, больших мыслей и чувства красоты, — тем замечательнее получится.

Ваш Вит. Бианки».

ХРОНИКА ЖИЗНИ В. БИАНКИ В ПРИКАМЬЕ

1942 год.

- 22 мая Выезд из деревни Михеево Мошенского района Новгородской области в эвакуацию в Молотовскую область.
- 7 июня Прибытие на станцию Пермь— г. Молотов и переезд семьи Бианки в г. Осу.
- 9—14 июля Поездка В. Б. на конференцию работников эвакуированных интернатов и детдомов. Живущие в г. Молотове писатели задумывают книгу об «эвакудетях».
- 4 августа Переезд семьи Бианки в деревню Первое Мая.
- 10 сентября Приезд И.С. Соколова-Микитова на охоту.
- 21 октября Поселились жить в г. Осе в доме З.Н. Шутовой-Умпелевой (Интернациональная ул., 36).
- 17 ноября Доклад В.Б.: «Проект постановки краеведческого и музейного дела в г. Осе и Осинском районе» в Доме культуры г. Осы.
- 21 ноября Выступление В.Б.: «Осинские робинзоны и колумбы» в средней школе г. Осы. Читает свои рассказы.
- 23 ноября В. Б. читает рассказы в педучилище.
- 27 ноября Приезд И.С. Соколова-Микитова на охоту.
- 29 ноября В.Б. выступает на слете охотников-промысловиков.
- 3—8 декабря Охота В.Б. в Осинской даче. Болезнь.

1943 год.

- 4 января В.Б. получает удостоверение общественного охотинспектора.
- 15 января Мороз — — 51,5°С.
- 28 февраля В.Б. выступает в неполной средней школе (т.н. «тюремке»), затем — во 2-м интернате Второго Московского детдома.
- 10 марта Приезд А.А. Меженного.
- 13 марта Получен вызов в Москву.
- 28 марта Выезд по вызову в Москву.
- 7 мая Возвращение из Москвы с Б. А. Шатиловым.
- 25 мая Переезд семьи Бианки в деревню Заводчик.
- 3 июня Приезд Б.А. Шатилова с семьей в д. Заводчик.
- 9 июня Перекомиссия в военкомате, дана нестроевая форма запаса.

- 12 июня В.Б. выступает в Ленинградском интернате в д. Верх-Давыдовка.
- 17 июня В.Б. выступает в клубе д. Заводчик.
- 3 июля Проводы сына Виталия в Военно-Морскую спецшколу в г. Куйбышеве.
- 31 июля В.Б. выступает на районной конференции зав. школами и учителей в г. Осе с докладом «Как родилась на свете радость».
- 2—7 августа В.Б. выступает в г. Молотове на семинаре по развитию речи с докладами «Язык краеведческой книги» и «Как родилась на свете радость» (о птицах и наблюдении природы).
- 13—20 августа В.Б. с В.А. Хахловым, Е.Н. Медведковым и Д.А. Хлебниковым на охоте.
- 22 сентября Приехавший из Москвы Б.А. Шатилов привез вызов В.Б. в Москву на совещание по дошкольному воспитанию.
- 12 октября В.Б. читает доклад в педучилище г. Осы «Тайны птичьих перелетов и перелетный инстинкт».
- 25 октября Семья Бианки перебирается в г. Осу из д.Заводчик.
- 12 декабря На вечере в «келье» директора музея В.Б. читает свои рассказы.
- 19 декабря Там же. В.Б. читает свои рассказы.
- 26 декабря Там же. В.Б. читает доклад «Искусство. Критерии художественной литературы».

1944 год.

- 28 января Охота с И.С. Соколовым-Микитовым и Е.Н.Медведковым.
- 7 февраля Поездка В.Б. и Б.А. Шатилова в д. Субботино к А.А. Меженному.
- 16 февраля В.Б. едет через Югокамск и Молотов в Москву (как выяснилось—навсегда).
- 13 марта Встреча с М.М. Пришвиным в Москве.
- 19 апреля Выслан вызов-пропуск семье в Москву.
- 8 августа Семья Бианки покинула Осу. Конец Камского периода в жизни В.Б.
- 16 сентября В.Б. с семьей поселяется на даче Литфонда в поселке Заветы Ильича Ярославской железной дороги.

1945 год.

Возвращение семьи Бианки в Ленинград.

РАССКАЗЫ, НАПИСАННЫЕ В ОСЕ И НА ОСИНСКОМ МАТЕРИАЛЕ

- Приказ на снегу — 21.10.42 г.
Тетерева в лунках — 1942 г.
Два белых, третий — как снег — 12.42 г.
Поганки — 1.01.43 г.
Мышарик — 13.01.43 г.
Башенный стриж¹ — 14.03.43 г.
Рожденные радости — начат осенью 1943 г., окончен
— 24.03.45 г.
Кто ночью не спит — 1944 г.
Глупые вопросы — 21.04.44 г.
Тигр-пятиполосник — 10.08.44 г.
За лосем — 20.11.44 г.
Плавунчик — 1945 г.
Бешеный бельчонок — 21.03. — 3.04.45 г.
Лупленый бочок — 1946 г.
Две вороны — 1949—51 гг.

¹ — Эти два рассказа — раздумья писателя, переданные путем аллегорий, — резко отличаются от остальных из цикла «Мой хитрый сынишка», потому не помещены в сборнике.

ПРИКАЗ НА СНЕГУ

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту — тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

— Вставай! Сегодня пойдем? Погода хорошая.

Ему на охоту идти погода всегда хорошая. А зверя тропить, то есть разыскивать по следам, — не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь идти, а сынишка хныкать:

— Ойять не хочешь! Ведь откладываем да откладываем... Когда же наконец пойдем?

И придумал я военную хитрость.

— Слушай, — говорю, — мою команду!

Он сразу руки по швам.

— Есть, — говорит.

— Ну, вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтешь мой приказ — выходить в поход или нет.

— Есть, — говорит, — выходить утром в сад.

Он лег спать, а я взял палку и вышел из дому. Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами — сынишка у меня ещё маленький. Только по-печатному разбирает:

Сегодня не будить!

В ту ночь я выпался хорошо: сынишка не пришел будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Моё окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветренное, теплое: градусник за окном показывал чуть-чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а прежние следы кажутся одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришел будить меня сынишка.

Утро было солнечное; еще с ночи завернул такой мороз, что снег стал как пастила: сверху подсохла толстая корка — наст. По нему не только легкий зайчишка — волк и тот не провалится. И следа никакого не оставит — разве кое-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл.

Ямки наполнились мерзлой крупкой. В такую погоду найдешь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принес ничего хорошего.

Опять был мороз да еще с ветром — поземкой. Сухой крупитчатый снег мело по земле — пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдет заяц утром с поля, где кормился, — с жировки, — его следы сразу и припудрит.

Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал — приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

— Подъём! — вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

— Будись живо! — кричал сынишка. — Я уже чай пью.

Я только глянул в окно — и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе, на ветвях — всюду лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мёртвая пороша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег — лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается мертвая белая пелена. И только самые свежие — утренние — следы

зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть — не только белоснежного беляка, даже серого русака. Но только мы вышли за кладбище, сразу увидели след заячий.

Слышу — сынишка шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

Лап от задних пяточки

Впереди,

От передних пяточки

Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперед передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних — круглый, как пяточок, позади.

— Сам на кладбище пошел помирать, — уверенно доложил сынишка. — Поворачивать?

— Нет, постой, — предупредил я, занося лыжи немного вбок. И снял с плеча ружьё. — Это ведь русачий след, а русаку чащи не

надо, чтобы залечь. Смотри, дальше след оборвался. Тут заяц двойку сделал: повернул и пошел назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону. Погоди-ка, вон не у того ли куста он залег?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули черные кончики длинных ушей.

Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже не дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили ещё трех русаков и одного беляка. Но застрелить удалось ещё только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскиали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев — серого и белого — и понесли их домой. Я держал палку в руке, сынишка положил другой конец её себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

— Дельно! Тропили?

— Тропили.

— Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

— А тебя всё-таки наказать надо,— сердито сказал я сынишке.— Ведь приказ-то был не будить меня!

— Я не виноват,— заявил он, несколько не испугавшись.— Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

— Как так? — не понял я.

— Сам посмотри.

Я взглянул через забор в палисадник.

Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

Буди

Остальных букв не было и следа.

— Я вижу,— объяснил сынишка,— каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замерз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

ТЕТЕРЕВА В ЛУНКАХ

К тетеревам, когда они сидят на деревьях, не подойдешь на выстрел.

— Стой, не шевелись, — говорю я сынишке. — Смотри, что будет.

Мы вышли к опушке леса. А на другой опушке — через поле — на кружевных вершинах голых берез сидят тетерева. Их десятка полтора. Они черны и неподвижны, как грачиные гнезда.

Заметили они нас или нет? Если не заметили, сейчас будут ложиться спать.

Солнце уже село. За лесом горит яркая и низкая зимняя заря. Деревья кажутся на ней обугленными. Их стволы — точно наклеенные на блестящей желтой бумаге черные полосы.

Вдруг одно из грачиных гнезд обрушивается с ветки прямо на снег. Это слетел первый тетерев — косач. За ним, как груши, падают с веток остальные. Вонзаются в снег, исчезают.

— Бежим к ним! — говорит сынишка и шуршит лыжами по мерзлому снегу.

— Нет, — говорю я, — они еще не заснули, не подпустят нас.

— А заснут, ты их всех перестреляешь?

— Не так-то просто! Через десять минут будет темно: стрелять нельзя. Но мы их и без ружья. Только точно запомни, где они в снег нырнули.

— Я точно. Вон у той двухствольной березы.

— Так. А теперь идем домой.

И по дороге я рассказываю сынишке свой план.

После ужина он, к удивлению матери, без всякого напоминания торопится лечь спать. А я чищу ружье и вешаю его на стену: ночью оно нам не понадобится.

Я беру две корзины, с которыми летом мы ходили за грибами, и обвязываю их сверху тряпками. Достаю два сачка, которыми ловили рыбешек и лягушек в пруду. И привожу в порядок два снятых с велосипедов фонаря.

В полночь за стеной — в хлеву — бьёт крыльями и несколько раз громко кукарекает наш петух. Один за другим ему отвечают другие деревенские петухи.

Вот у диких лесных петухов, у тетеревов, такого обычая нет. Они не поют среди ночи — спят крепко. Нам это и на руку.

Я бужу сынишку.

Морозец знатный! Месяца нет, но в черном небе искрятся звезды, и снежное поле мерцает.

Мы на лыжах. У каждого корзина, сачок и спереди на поясе незажженный фонарь. Мы идем туда, где на опушке под снегом спят тетерева.

Не дойдя до места, останавливаемся. Я зажигаю оба фонаря — сынишкин и свой.

Так ярко вспыхивают они, что невольно зажмуришься. Пришлось постоять, пока глаза не привыкли.

— Теперь,— шепчу сынишке,— корзинку за спину, сачок в руки — и с лыж долой.

Увязая по колени в снегу, медленно и стараясь меньше шуметь, подходим к двухствольной березе.

Перед каждым из нас резкая струя света. В нем каждая соринка видна на снегу. А кругом черным-черно.

Вижу: слева от березы лунка — полукруглая неглубокая ямка. На дне её рыхлый, обвалившийся с краев снег. Справа от березы такая же лунка.

Перешептываемся с сынишкой. Он идет к левой, а я к правой.

Не отрываю глаз от лунки, подкрадываясь к ней.

Знаю: тут тетерев. Нырнул в снег, как в воду, и холодная сухая вода скрыла его под собой.

В глубине тетерев шагнул два-три раза. Потоптался на месте, как укладывающаяся спать собачка. Образовалась пещерка. Он повернулся носом к выходу. Поджал лапки. Улёгся.

Спит.

Тепло в подснежной спаленке. И темно-темно.

Вот я уже в трех шагах от неё.

Ещё шаг — и вдруг снежный взрыв, что-то черное в нем с шумом и треском вырывается из лунки. Косач!

И, ослепленный нестерпимо ярким светом, падает на снег, — не может лететь.

Вертится на снегу, как большой жук.

Я кидаюсь к нему с сачком.

Слышу, справа и слева от меня с шумом поднимаются тетерева. И что-то кричит сынишка.

Но мне не до него: стараюсь сачком накрыть косача. От резких движений фонарь прыгает у меня на животе, свет мечется по снегу, как струя из пожарной кишки в руках расшалившегося мальчишки. Косач на миг исчезает во тьме, но я тут же — наизусть уже — накрываю его.

Есть!

Со всей силы жму сачок в снег. Перехватываю палку. Подсовываю под сачок руку.

Сачок пуст...

Эх ты, какой же я неловкий!

Да что там всё время кричит сынишка?

Где он? Куда девался его фонарь?

Направляю струю света на голос; сынишка за березой — лежит в снегу.

В несколько скачков я около него.

Кричит:

— Тихонько, тихонько, осторожно!

— Да что с тобой?

— Тихонько сунь руки. Под живот, под самый живот!

Я коленями в снег, руками — без перчаток, снег жжет — под сынишку и хватаю жесткие толстые перья. Крепко держу за крыло, перехватываю за царапающие лапы, ташу!

Косач!

Он так сильно рвется, что вот выпущу.

Но сынишка уже на ногах. Хватает косача за свободное крыло, и вместе мы засовываем живую добычу в корзину, крепко обвязываем корзину тряпкой.

— Я гляжу,— торопится рассказать сынишка,— из снега прямо у ног моих высунулась голова. Черная. Вертит носом, глазами хлопает. Я — бух в снег, прямо на неё. Он подо мной ворочается, щекочет. Ору, ты не слышишь. А ловко я его пузومت?

Ловко-то ловко, что и говорить! А вот стекло у фонаря раздавил, конечно, и сачок сломан.

Ну, да это не считается, когда живого косача руками поймал. К тетеревам, когда они на деревьях сидят, и на выстрел не подойдешь.

МЫШАРИК

Когда снег покрыл землю, в избе стали нас донимать мыши. Мой сынишка поставил на них мышеловку-живоловку.

Утром смотрим — приманка съедена и в мышеловке лежит мертвая мышь. Полевая мышь: крупная, с блестящим черным ремешком на спине.

В поле голодно стало — вот она и пришла в избу. Это понятно.

Но почему она мертвая?

Рассмотрели, — череп у неё прогрызен и мозг выеден. Кто это сделал? Какой хищник мог протиснуться сквозь частую проволоку живоловки, такую частую, что даже мышь сквозь неё не пролезть?

Вечером сынишка опять насторожил живоловку. И мы легли спать. Я скоро заснул, а он, оказывается, не спал — караулил. Ночь была лунная.

— И вот, — рассказал он утром, — когда все заснули и всё затихло, из-под пола вылезла большая мышь. Она села на задние лапки, пошевелила усами и потом сразу побежала к мышеловке. Вошла в неё и дерг за приманку!

На полу белый свет из окна — мне всё видно.

Трык! — дверца захлопнулась, воровка попалась. Со страху она забилась в уголок и больше не трогала приманки. Я всё не сплю: смотрю, что дальше будет.

Вдруг катится к мышеловке мышарик.

— Кто? — перебил я сынишку.

— Мышарик. Ну, знаешь, я такой придумал — девочек пугать.

— Ничего не знаю, — сказал я. — Какой такой «мышарик»? Как так пугать?

— Ну, такой шарик, блестящий. От детского бильярда, знаешь? Я попросил маму, она мне зашила его в серенькую тряпочку. А сзади хвостик тряпичный. Покатишь по полу — он, совсем как мышка, бежит. Только хвостик по полу шлепает. Да всё равно девочки боятся: думают, настоящий, да еще какой-нибудь очень страшный, кусачий.

— Так это ты свой мышарик к мышеловке покатишь?

— Совсем не я. Какой ты непонятный! Живой мышарик. Он сам.

— Бежит и хвостом по полу шлепает?

— Нет, у этого хвостик не шлёпал.

— Гм... Ну, дальше?

— Ну, он к мышеловке. Вытянулся тоненькой колбаской и скользнул между двух проволок.

Вот мышь испугалась! Бегаёт по мышеловке.

А мышарик прыг! — прямо ей на спину. Мышь и упала мертвая.

Мышарик посидел-посидел у неё на голове. Потом скатился — и к приманке. Приманку съел, еще рыльце поднял и марш из мышеловки. Под твою кровать закатился.

— Стой, — опять перебил я сынишку. — А рыльце у него какое, видел?

— Видел. Длинноносенькое, хоботком. Только не такой хобот, как у слона, а востренький.

— А! — сказал я. — Тогда всё понимаю. Это землерой. Самый крошечный зверь, сродни кроту и ежу. Он жуков ест и вот даже с крупной мышью справляется. Он и в избу к нам за мышами пришёл.

— Это он в лесу землерой, — сказал сынишка. — А в избе земли нет. Я так и буду его звать — мышарик.

— Ну, что ж, зови.

ДВА БЕЛЫХ, ТРЕТИЙ — КАК СНЕГ

$$1 + 1 = 2$$

Так в арифметике.

$$1 + 2 = 3$$

А в лесу бывает иначе.

Возьми карандаш — решим пример.

* * *

У занесенной снегом опушки жил хищный зверёк — горноста́й. Тело у него было сильное, как рогаточная резинка толщиной с колбасу. Пастишка была полна острых зубов. И был он невидимкой: весь белый на белом снегу. Только на конце хвостика черное пятно. Но это не в счет: ведь и на снегу бывают соринки.

Тут же, рядом у опушки жила белая сова. Она была большая. Своими широкими пуховыми крыльями она могла бы прикрыть целого зайца. И так была сильна, что спокойно могла бы унести этого зайца по воздуху. Клюв у неё был крюком, и на каждой лапе по четыре крюка — два спереди, два сзади. Она тоже была невидимкой: вся белая, черное пятно только на голове. Но оно тоже не в счет.

Вот один и другой житель лесной опушки. Но если бы мы захотели сложить их:

$$1 + 1$$

у нас ничего не вышло бы.

Горноста́й и белая сова не желали складываться — ни пицей, ни жилищем — ничем. Жили разное. Охотились каждый сам по себе. А если приходилось встретиться, горноста́й сердито стрекотал и скалил все свои страшные зубки, сова громко щелкала клювом, и каждый скорее спешил восвояси, подобру-поздорову.

И еще жил на той опушке молодой зайчишка, беляк. Весь как снег, только самые кончики ушей черные. Эти два черные пятнышка в счет, держи их у себя в уме. Они-то и подвели зайчишку.

Хороший был зайчишка: пушистый, робкий. На день он забирался под какую-нибудь частую елочку на опушке и спал. Ночью ходил в луга — своровать немножечко сена из стога. И при этом ужасно как боялся попасть белой сове в когти или горностаю в зубы.

Вот и еще житель, а складывать всё нельзя:

$$1 + 2$$

Начнешь складывать, а в это время то ли горноста́й, то ли сова зайчишку и съест. И вместо сложения получится вычитание. Лучше не будем и пробовать.

Но в лесу со всячинкой.

Случилось вот что.

Бежит раз утром зайчишка на свою опушку. Тут пенёк снегом, как шапкой, накрыт. Зайчишка и присел за ним, ушами шевелит, слушает: нет ли кого на опушке? Не опасно ли дальше бежать?

А горностаи из куста и сова с луга уже заметили: будто черных две мушки вьются над пнем. Белая сова и днём отлично видит.

Горностаи нырнул в снег, пробежал под ним и бесшумно вскочил на пенёк. И сова стелет-летит бесшумно над самым снегом — к пню.

Горностаи прыг зайчишке на спину!

Зайчишка как подскочит с перепугу!

А в воздухе его сова цоп в когти!

Одной лапой в зайчишку, а другой-то в горностаи: некогда ей было разглядывать, кто на зайчишке верхом сидит.

И стало тут в лесу, как в арифметике: сложились один зайчишка и два хищника — все три жителя лесной опушки — вместе:

$$1 + 2 = 3$$

Да только ненадолго: на один коротенький миг.

Бросил горностаи зайчишку, впился всеми зубами сове в горло.

Бросила сова зайчишку, вцепилась всеми когтями горностаю в спину.

Зайчишка в снег упал.

Горностаи сове зубами горло перервал.

Сова горностаю когтями спину переломила.

Упали оба мертвые.

А зайчишка вскочил — и в лес.

Тут уж, сам видишь, в арифметике, как в лесу: сложились двое, остался один:

$$1 + 2 = 3$$

И не напрасно горностаи и белая сова с самого начала не хотели складываться. Сложились:

$$1 + 1 = 0$$

Ноль получился.

Потому что мертвые, хоть и хищники, — они всё равно не в счёт, — чистый ноль.

Зайчишка и тот их теперь не боится.

ПОГАНКИ

Становилось голодно, надо было подумать о мясе. Я взял ружьё и пошел на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошел — стемнело. В тростнике закрывало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно,— подумал я.— Дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может, вернутся».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звезды поблескивали сквозь ветви. И пел — шептал свою приглушенную, несмолкаемую, как ручеек, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звезды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неудобно. И уток не слышно было.

Наконец запела зарянка. Её цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти весёлой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж только из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птички головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружьё, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щёк на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки — не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чем не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнёт её ногой и раздавит.

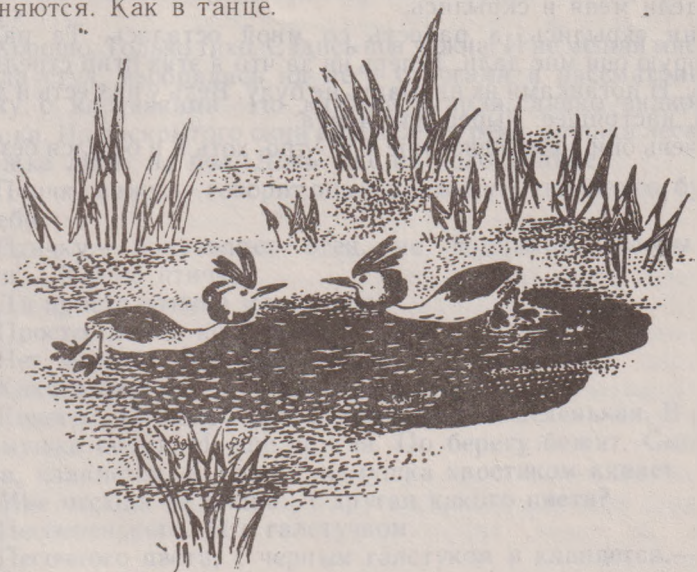
Разозлился и я: стоило целую ночь мерзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг — раз! — как по команде «разом-кнись!» — одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицом друг к другу и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплылись — и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, — какие они речи держать могут!

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы еще на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво! — так и полыхают.

А в клюве у каждой платочек зелёной тины: со дна достали. И протягивают друг другу подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкуются в воздухе. На ветвях

молодые листочки раскрывают свои зелёные ладошки.

Чудесно кругом.

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чёмга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ

Тихо в комнате. Отец с утра сел за стол. Пишет. Вдруг распахнулась дверь, вбежала его маленькая дочь.

— Мама ушла. Мне одной скучно. Можно, я буду у тебя играть?

— Хорошо. Только тихо. Садись вон у окна. И не мешай мне.

Взяла стул, взобралась на него с ногами и рассматривает книжку с картинками. Но книжка старая, давно знакомые картинки. Из раскрытого окна виден берег реки, опушка леса.

Книжка летит на пол. Дочь уже на подоконнике.

— Птичку вижу,— говорит она через минуту тихонечко, будто про себя.

— Птичку,— поправляет отец, не поднимая головы от бумаги.— Какую птичку?

— Да просто птичка маленькая.

— Просто птичек не бывает.

— Нет, бывают. Вот такие.

— Какого цвета?

— Какого... Птичьего цвета: серенькая да беленькая. В реке на камушке сидит. И ещё другая. По берегу бежит. Смотри, смотри, кланяется. А та ей с камушка хвостиком кивает.

— Мне отсюда не видно. А другая какого цвета?

— Песочненького. И с галстучком.

— Песочного цвета, с черным галстучком и кланяется,— это зрёк. А та, на камушке, хвостом кивает,— это плиска, трысогузка. У каждой птицы своё имя.

— Я знаю. Вон сорока-белобока из леса вылетела, по земле скачет. Хвостатая какая. Отчего такой хвост?

— Ну, как — отчего? Что ты спрашиваешь?

— Не знаешь? А отчего зрёк кланяется, а плиска хвостиком кивает? Это они здороваются?

— Какие пустяки! Разве птицы здороваются?

— А вон ещё птицы. Белые, белые! Большие.

— Ну, чайки.

Да, да... они рыбку из воды клюют. А зачем они белые?

— Какие глупые вопросы! Я сказал тебе: мне не мешай. А ты всё время со мной разговариваешь. Ступай отсюда. Займись своими игрушками. Ступай, ступай, нечего!

Дочь надула губки, всхлипнула. Но послушаться не посмела — ушла.

Отец вдруг положил перо. Посмотрел в окно и крепко задумался. А вечером, когда дочь пришла поцеловать его на ночь, он сказал ей:

— Ты прости меня, пожалуйста, что я утром назвал твои

вопросы глупыми. Они совсем не глупые. Я подумал — и теперь могу тебе рассказать три сказки.

— Расскажи, расскажи! — обрадовалась дочь.

И она ловко вскарабкалась к нему на колени.

Отчего у сороки такой хвост

— Первая сказка, — сказал отец. — Жила-была птица. Спросишь, какая? Да никакая. Просто птица, и всё тут. У неё имени не было, одно название — птица. И жила она знаешь где? У человека в голове. Один раз человек открыл рот, хотел зевнуть. Она — порх! — и вылетела.

Смотрит, — день весенний, весёлый. Небо голубое-голубое, на нём солнце, белые облака. Простору сколько!

Внизу стоит лес — кудрявый, густой, тенистый! Уютный такой. А ниже леса — река. Вода бежит, блещет, по берегам кусточки зелёные, песок золотой горит.

«Ах! — думает птичка. — Красота какая! Весело как!»

Весело-то весело, а кушать надо.

Видит: мухи, комары кругом летают.

Замахала крылышками, погналась за ними. А крылышки у неё ни длинные, ни короткие, ни круглы, ни острые — средненькие.

Машет крылышками — за мухами, комарами гоняется, а поймать не может.

Вдруг мчится стриж. Вперед пронесся, круг дал, да назад, да вниз, да вверх, вправо, влево — да всех мух, комаров и переловил.

— Вот, — говорит, — как летать надо, чтобы мух, комаров ловить. Вот какие крылья для этого надо, видела?

Посмотрела птица, — у него крылья длинные-длинные. Сложит их, — под ними и хвоста не видно. Узкие крылья, острые, как кривые ножницы, если их растопырить.

«Ну, так и в лес полечу, — думает птица. — Там себе что-нибудь промыслю».

Прилетела в лес, а там — чаща. Крылья за ветки задевают, хвост поворачивать не успевает.

А хвост у неё ни длинен, ни короткий, ни широк, ни узенький — средненький.

Выскочила из чащи сорока, хохочет:

— Да разве с таким хвостом в лесу летать? Тут во какой хвост надо, видела?

И подняла свой хвост. А хвост у сороки длиннее самой сороки.

— Крылышки тебе поменьше бы надо, покруглей, а хвоста прибавить, чтобы верть — и повернула, верть — и в другую сторону. В чаще-то всё так.

Дернула хвостом — и нет её.

«Ну, — думает птица, — значит, на реку мне лететь надо. Там промыслю».

И полетела.

Тут первой сказке конец, а тебе ответ, — отчего у сороки такой хвост.

Кому зуёк кланяется, а плиска хвостом кивает

— Вторая сказка, — говорит отец. — Прилетела птица на реку. Села на обрыв и видит: по песку, у самой волны, бегают зуёк. Побежит-побежит и станет. А станет, — сейчас кланяться начнёт. И кланяется, и кланяется.

А на камушке в воде сидит тоненькая плиска. И всё хвостиком кивает, всё кивает хвостиком.

Птица думает:

«Кому это они кланяются? Уж не мне ли?»

Вдруг — жжип! — со свистом пронёсся над ней чеглок-соколог. И пропал.

Зуёк и плиска кричат птице:

— Счастье твоё, что ты смиренхонько сидела. А то увидел бы тебя чеглок-соколог и унес в когтях. Пискнуть бы не успела.

Птица удивилась:

— А почему бы он меня увидел, если б я двигалась?

— Да потому, что ты на земле сидишь, кругом тебя одни камни, тихо всё, не шевелится. А кто шевельнётся, того сразу заметно.

— Так чего же вы-то кланяетесь, вы чего киваете?

— А мы у волны живем. Волна колышется и мы колышемся. Нам так надо. Станем смирно, а кругом всё движется, всё качается,— сразу нас заметно.

Тут второй сказке конец, а тебе ответ,— кому зуёк кланяется, а плиска хвостиком кивает. И третья сказка...

Почему чайки белые

Птица думает:

«В воздухе мне не прожить, в лесу не прожить и на реке, выходит, тоже не прожить: я прятаться не умею. Кто бы меня защитил?»

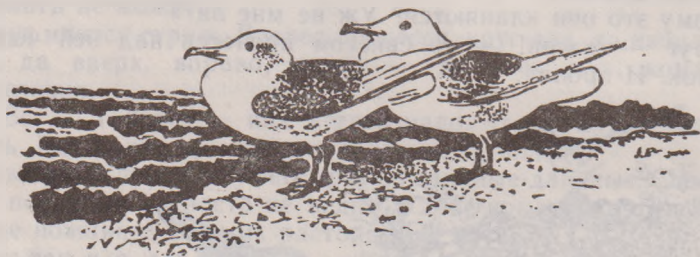
И видит — летит-плывет над рекой белая чайка.

Вдруг чайка крылья сложила и пала в воду. Пала в воду, крыльями над спиной взмахнула и опять на воздух поднялась.

А во рту у неё — рыбка.

Тут ещё и ещё со всех сторон налетели белые чайки. Стали над рекой кружиться, падать, подниматься — из воды рыбок таскать.

«Вот славно,— думает птица.— Пристану к чайкам. И сыта буду и цела буду: чайки большие, чайки сильные, они меня от чеглока-соколка защитят».

Полетела к белым чайкам:

— Примите меня в артель!

Посмотрели на неё белые чайки и говорят:

— Не годишься ты в нашу артель. Как ты своим носом рыбку будешь ловить? У нас, видишь, носы крепкие, острые. А твой нос ни крепок, ни мягок, ни тупой, ни остренький — средненький.

— Ничего, как-нибудь,— говорит птица.

— И серенькая ты,— говорят белые чайки.— Даже и не поймешь, какого цвета. А мы, видишь, белые.

— А почему вы белые? — спрашивает птица.

— Нам другими быть нельзя,— отвечают белые чайки.— Первое дело — рыбки из воды нас видеть не должны, а то разве их поймашь! Рыбки снизу смотрят — над ними потолок белый.

Водяной потолок. А над ним — небо, на нём облака белые. Нас, белых, над белым, под белым, рыбкам не видно.

Второе дело — мы дружной артелью рыбку ловим. Разлетимся в разные стороны, и каждая высматривает рыбку. Рыбка стадами ходит.

Вот мы и глядим друг за дружкой, из глаз не выпускаем.

Вот сложила подружка крылья — пала на воду. Ага,— значит, рыбка там!

И все мы к счастливой подружке спешим, все рядом ловить принимаемся.

Издали мы друг на дружку сбоку смотрим. И нам друг дружку хорошо видать: ведь белые мы, заметные на воде и над берегом.

А тебя, серенькую, нам не усмотреть: ты над берегом полетишь — не видно, мимо леса — не видно и под небом — не видно. Уж на что у чеглока-соколка глаза острые,— и тот тебя не приметил. А кого не видно, для нас того и нет.

— А как же я? — спрашивает птица.

— Да тебя и вовсе нет,— отвечают белые чайки.— Ты кругом средненькая. Ты выдуманная. Таким под солнцем места нет. Посмотри-ка ты на себя в воду.

Посмотрела птица вниз. Там, в тихой реке, все как в зеркале, и белые чайки кружат, и зук кланяется, и плиска хвостом кивает, и сорока прилетела — на кусту сидит, и стриж в небе мчится. А её — птицы — нет.

— И лети-ка ты, — говорят чайки, — назад, откуда взялась!

Делать нечего — полетела птица назад, к своему человеку.

Человек тот как раз спал — рот разинул.

Птица и впорхнула ему в голову.

Человек глотнул, вздохнул, проснулся и говорит:

— Вон сон какой приснился! Будто жила-была птица... И тут третьей сказке конец, а тебе ответ,— почему чайки белые.

ПЛАВУНЧИК

Преудивительная у нас водится птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А на завтра придёте туда, где их видели, — их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма — и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики — кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие — пестро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел,

очень удивился. Пришел домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел,— просто не пойму! — Идешь — все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружат жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают — и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами,— прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдет два-три дня, другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

— Вот бездельники! Другие птицы — всё на гнездах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверное, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнезда яйца — и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнездах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А все-таки я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие,— согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принес.

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает на пол.

— Я,— говорит,— сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. И сидит.

«Туик!» — говорит. Я сразу понял: «Защити меня», — просит.

Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят — со мной не справиться, и отлетели.

Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — домой с ним. Вот он, — видите какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали, — что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей

плавать надо. Держать дома трудно.
Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки.

Он ничего, — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес. В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днем туда разные кулики прилетали — покормиться, а на ночь — утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза — туик, уик! — вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свиданья» — и как ни в чем не бывало принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная, — ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

— Кыш, кыш, улетай отсюда скорей.

А он посмотрел на меня — туик! — пискнул, вроде «здравствуй» сказал, и плывет к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достаёт — закусывает.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, пап, домой лучше. А то еще ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, — ну, как тут стрелять: дробь разлетится, — ненароком и его заденет.

Пришла пора — с севера, из тундры, прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми.

Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в свое осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них в далёких жарких странах — в Индии,

в Индо-Китае и ещё дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков,— не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям.

А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего.

Особенно когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

ТИГР-ПЯТИПОЛОСИК

Пришла осень, и мой подсолнух поспел. Я пошел срезать его, а Ирка за мной увязалась.

Я ей говорю:

— Всё равно я семечки себе возьму: ведь подсолнух мой.

А она говорит:

— Нет, мой!

Я говорю:

— Как это так — твой? Здравствуйте! Я его посадил. И загородку кругом сделал, чтобы не сломали. Значит, мой.

Она мне:

— А поливала его всё лето я. Значит, мой!

Поливала она — это правда. Просто мне некогда было: всё время охотился на одного тигра. Он в конце сада живёт, в джунглях. Да ведь подсолнух-то я для себя посадил, не для Ирки. Значит, он мой. Правда?

Я и говорю:

— Ирка,— говорю,— лучше не лезь. А то ударю!..

Она заревела. А всё равно идёт за мной. Уж такая упрямая! Так вместе и дошли до загородки, где мой подсолнух.

Смотрю, что такое? На подсолнухе мой тигр сидит.

Он рыжий. А на спине — раз, два, три, четыре — пять ровных черных полос.

Я так и стал. Тигр нас не видел: мы от него за кустами были.

Он сидит и преспокойно себе выковыривает семечки из цветка. Выковырнет их и на задние лапы сядет. Как человек: передними держит семечко — и в рот. Шелуху прочь, а семечко за щеку.

Уж чуть ли не половину семечек выковырял!

Я Ирке шепчу:

— Тихо! Стой, не шевелись!

И скорее за рогатку.

Прицелился — бац!

Тигр пискнул — и брык с цветка.

Смотрю, бежит по траве.

Я — за ним.

Он — на забор.
Я подбежал, он — виль! — и на другую сторону.
Я Ирке кричу:
— Тут держи!
Сам — через забор.
Он опять на эту сторону.
Ирка, конечно, струсила схватить его, хоть он и раненый: на заборе кровь.
Я поднял сук и со всей силой — раз! — по забору.
В него не попал, а всё равно сшиб.
Он сорвался и в яму — бух!
Под забором большая была яма. С водой!
Смотрю, плывёт.
Я побежал кругом ямы.
Он вылез — и шасть на дерево! Сухая осина там стояла. Вся в дырках, в дуплах.
Он по стволу — и в дупло. Я заметил, в какое.
Я влез на осину и кепкой дупло заткнул.
— Готово! — кричу.
А Ирка снизу:
— Вот он, вот он! С другой стороны выскочил!
Вот ведь! Я скорее вниз.
Смотрю, сидит на пеньке, на меня обернулся. Щеки оттопырены — уморительная мордаха!

Только я шаг сделал, он свистнул — нырк! — и под корни. Подошли... смотрим — норка.
Я сел на пенёк с рогаткой и говорю Ирке:
— Беги скорей за лопатой. Я покараулю. Разроем — я его за хвост.
А Ирка говорит:
— Знаешь что? Вот что: молодец пятиполосик. Ты его ранил, а он бегом, и вплавь, и на дерево — не дался в руки. Талант прямо!

Я говорю:

— Зверь, конечно, на рану крепкий. Даже добычи своей не бросил — так за щеками и унёс.

Ирка ко мне на пенёк подседа и говорит:

— Знаешь что? Вот что: у него, наверно, дитёнки. Он семечки своим дитёнкам нёс. И потом ведь он не знал, что это наш подсолнух.

Ну и поехала, и поехала...

— Вот,— говорит,— прибежал пятиполосик к себе домой. Сам весь в крови. Дитёнки с кроваток повскакали: «Папа, папочка! Что с тобой? Кто это тебя так?» А он им семечек дал, говорит: «Кушайте. Это великан один на меня напал. Ух, страшный! На задних ногах бегают. Еле-еле от него ушёл».

Дитёнки от страха трясутся, плачут: «Папочка, сейчас он сюда придёт, всех нас убьёт».

Тут я говорю:

— Ну вот, Ирка, всегда ты как... А видела, какая у него шкура красивая? Я могу тебе подарить её. Повесишь её над кроватью на стенку. И всем будешь говорить, что это тигр полосатый. Бывают такие — небольшие. Один знакомый мальчик тебе его в лесу убил.

Ирка, глупая, как расхохочется:

— Тигр по цветам лезает! В норке живёт! И как ещё он тебя в клочки не разорвал!

Вот уж эти девчонки! Ничего, ничего в охоте не понимают!

Смеялась, смеялась, потом и говорит:

— Знаешь что? Вот что: давай лучше наш подсолнух пятиполосику подарим. Пятиполосик ведь по-взаправдашнему — белочка. Маленькая земляная белочка. Она семечками своих дитёнков кормит. И кладовые себе на зиму набивает. А нам мама семечек сколько хочешь на базаре купит. Калёных попросим: калёные слаще.

А ещё потом говорит:

— Бедненький! Он теперь раненый. Ему трудно бегать. Давай срежем подсолнух и сюда принесем к норке ему. Ладно?

Вот всегда она так! Ну, как я теперь на тигра охотиться буду? Какой же он тигр, когда он пятиполосик и с дитёнками?

Правда, что ли, принести ему подсолнух к норке?

Вы как думаете?

ЛУПЛЕННЫЙ БОЧОК

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроем: сынишка, я и Джим. Джим — это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик кучий. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью, — уже лист с деревьев падал, а дождей больших еще не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу — Джим залаял, залаял в кустах — и вдруг замолк.

«На кого это он?» — думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там — и кричит мне из кустов:

— Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я — к ним. И вижу:

Джим лежит врасяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно. Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними — и не знает, что ему делать.

Я подошел, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, — он еще пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

— Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня — такого маленького — обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то эдакое кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени уперся и лижет зайчонка: успокаивает его, — что, значит, не бойся, не таковыские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

— Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа — с пятак кружок.

— Эге! — говорю. — Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он у дяди Серёжи сбежал. Полежай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам — пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло, — он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа — приятель мой, тоже охотник, живет на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад — совсем еще крошкой — у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата родятся весной, когда ещё снег корочкой — наст. И называются они настовичками. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут — листопадничками.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему; у него, у дяди Серёжи, не так давно ошенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он еще раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда — совсем с ума сойдёт, на всех начнет кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала. Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла — щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка, своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмышла кости глотать и мясо есть — её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не допускала — ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злюка шибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок выросл быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже «большой» считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всё ей, как обезьяна, подражал. Клеопарда с места — и он за ней. Она на собаку — и он тоже. Она куснёт — и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние — видели зайцев? — длинные, острые, ветки перегрызает. Как куснёт, — из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу — кусаться. Храбрый волчонок стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику, — зайчишка. И кинулся на него.

Собака, конечно, не то, что заяц. Если по-заячьи двухнедельный зайчонок уже «большим» считается, то у трехнедельной собачонки еще только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, и он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал — не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватъ его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клоч выдрал порядочный, плешинку на боку сделал,— а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнет с перепугу через ящик — только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала,— пришлось щенку поскорей убираться со двора подобру-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык — лучше всякого лекарства, и раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор — и в лес.

Да вот трёх дней не прошло. Джим наш его в лесу поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

— Ну, вот,— говорит.— Ты его, значит, дяде Сереже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

— Что ж,— говорю.— Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол под лавку — и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

— Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

— Глупенький, мы же люди,— объясняет ему сынишка,— мы тебя не обидим.

А зайчонок изловчился — и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок — у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка — подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Луплений Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

— Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место — у него свой матрасик в углу. Джим очень устал — ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрим, Луплений Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким,— да все-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Луплений Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём,— Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезать боится.

Я сынишку спрашиваю:

— Ну, что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец и говорит:

— Знаешь, что? Пойдём лучше отнесём зайчонка дяде Серёже назовсем.

Так мы и сделали. Ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим — и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

— Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести.

Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг — и в кусты.

Даже «до свиданья» не сказал.

Вот какие зайцы бывают.

БЕШЕНЫЙ БЕЛЬЧОНОК

Мы с сынишкой собрались в лес по грибы. И только свернули тропой с просёлочной дороги, — навстречу нам из лесу собака Клеопарда. Злющая — чистый волк.

Сынишка был впереди меня. Он хотел кинуться назад, ко мне, но я успел крикнуть ему:

— Только не беги! Иди, как шёл.

Ускорив шаг, я поравнялся с сынишкой и взял его за руку. Ни ружья, ни палок у нас с собой не было: одни простые корзинки. Обороняться было нечем.

А Клеопарда была уже в нескольких шагах от нас. Или мы ей дорогу должны были уступить, или она нам: тропа была узкая, а по сторонам — грязь.

— Вперёд без страха и сомненья! — произнёс я как можно веселее, крепко сжимая руку сынишки.

Клеопарда остановилась и молча оскалила зубы. Миг был решительный.

Я ещё тверже шагнул — раз, два, три...

Свирепое животное вдруг прыгнуло в сторону и, увязая в глубокой грязи, пошло мимо нас стороной.

Я отпустил руку сынишки.

— Видишь? А ты хотел бежать.

— Ух, страшно!

— Убегать ещё страшней.

Но тут мы дошли до леса и скоро забыли это приключение.

Вчера целый день лил дождь. Грибов было много. Сперва мы брали всякие — и красные, и подберезовики, и маслята. Но

глубже в лесу, на гривках под елями и соснами, начались белые. Тут мы на другие грибы и смотреть не стали.

Лес весь сверкал, переливался разноцветными весёлыми звездочками, каждый листок, каждая травинка и мшинка блестела, улыбалась капельными глазками — солнце еще только поднималось над деревьями и не успело высушить вчерашнего дождя. Все кусты и ёлочки были в паутинках, и каждая паутинка была унизана крошечными водяными жемчужинами. Мы, конечно, сразу промочили и штаны и рубахи, но всё равно становились на колени, раскапывали руками мокрый мох и вытаскивали из-под него маленьких крепышей с тёмной шапочкой на пузатенькой ножке — настоящих боровичков. Потом спешили дальше — искать новое гнездо грибов.

Мы так увлеклись, что и не заметили, как забрались глубоко в лес и очутились на опушке небольшой поляны.

— Стой! — шепотом вдруг сказал сынишка и схватил меня за руку. — Смотри: бельчонок!

Правда: на другой стороне поляны на ветках сосны прыгала молодая белочка с тоненьким ещё хвостиком.

Бельчонок спускался с ветки на ветку. Исчез на минутку из глаз и вдруг, смотрим, скачет по земле к берёзе. Ближе к нам от той опушки стоял куст, и ещё ближе — одинокая берёза. И рядом с берёзой открыто рос малоголовый гриб на высокой белой ножке — обабок.

— А! — сказал я тоже шепотом и потянул сынишку за росшие рядом ёлочки, чтобы не спугнуть бельчонка. — Знаешь, бельчонку, наверно, ужасно хочется попробовать этот гриб, а на землю спуститься страшно: вдруг кто-нибудь увидит и схватит.

— Ага! — согласился сынишка. — Наверно, он очень голодный.

Бельчонок уже прыгал к обабку по земле, смешно подкидывая задом. От опушки до берёзы было верных шагов пятнадцать.

Моих человеческих шагов пятнадцать, а беличьих мелких скачков по земле — не меньше как полсотни.

И вот только бельчонок подскочил к берёзе, не успел ещё и куснуть гриба, — вдруг сбоку из травы откуда ни возьмись — лисица! И на него. Мы так и ахнули.

Но бельчонок вовремя заметил опасность, повернул — и в два скачка очутился на берёзе.

Он мигом взвился по стволу и притаился под самой макушкой. Весь сжался от страха в комочек. Лисица осталась с носом.

Сынишка хотел захлопать в ладоши, но я ему не дал, шепнул:

— Подожди. Это ещё не всё. Лисица, я вижу, пожилая, опытная. Она так этого дела не оставит.

Я потому так подумал, что лисица сразу, как бельчонок махнул от неё на дерево, осадил всеми четырьмя лапами, стала и потом с самым равнодушным видом повернула прочь от берёзы — к опушке. Даже не взглянула вверх, на дерево. Будто её совсем и не интересовал никогда бельчонок, не за ним она кинулась, а так просто.

А у самой глаза блестят, рот до ушей. Мне тут и почудилась какая-то хитрость с её стороны.

Смотрим, правда: не дошла лисица до опушки, вдруг — шмыг за куст, который между берёзой той и опушкой стоял. И нет её.

— Ишь, хитрюга! — шепчет сынишка. — В засаду села. Как же теперь бельчонок домой в лес попадёт? Ведь ему мимо этого куста бежать.

— Вот в том-то и дело, — шепчу я. — Не миновать ему лисьих зубов... Но... Тс-с!.. Смотри, он что-то придумал.

Чуть заметный среди листвы на белой ветке берёзы рыжий комочек зашевелился, развернулся — и опять превратился в бельчонка. Вытянув шею и повёртывая голову во все стороны, бельчонок долго осматривался. Но, верно, оттуда, с вершины, ему не было видно лисицы: он осторожно потихоньку стал спускаться с ветки на ветку. Прыгнет — и оглянется. Прыгнет — и тянет шейку, заглядывает вниз.

— Ох, глупый, глупый! — шепчет сынишка. — Сейчас ведь прыгнет на землю. Пойдём скорей, прогоним лисицу!

— Подожди, подожди! — шепчу. — Посмотрим, чем кончится.

В первый раз я своими глазами видел, как лисица охотится за белкой.

Бельчонок тихонько спустился уже до половины берёзы — и тут вдруг замер на ветке. Да вдруг как затрясётся на лапках, как закричит, зацокает!

— Увидел, увидел! — шепчет сынишка.

Сомнений быть не могло: белый кончик рыжей трубы — хвоста

лисьего — высунулся из куста, и бельчонок его заметил!

«Эх, лисонька! — подумал я про себя. — Рано победу затрубила! Думала, уж вот он — твой бельчонок! Заиграла хвостом и выдала себя».

Кончик лисьего хвоста сейчас же опять исчез за кустом.

Но бельчонок никак не мог успокоиться. Он пронзительно громко ругал коварную лисицу уже не знаю какими своими беличьими словами и весь трясся от негодования.

Потом, когда лисий хвост исчез, замолчал. И вдруг, чего-то ужасного испугавшись, винтом взвился по стволу к себе на спасительную вершину. Может быть, вообразил себе, что лисица сейчас прыгнет за ним из-за своего куста — на полдерева.

— Дело затягивается, — шепчу я сынишке. — Но — терпение: лисица, видимо, решила сидеть в засаде хоть до вечера. А бельчонок, конечно, голодный. На берёзе ему долго не высидеть: там ему ни шишек, ни орехов. Всё равно придётся слезать.

Прошло несколько минут. Ни лисица, ни белка не подавали никаких признаков жизни. Сынишка уже начал меня за рукав дергать:

— Прогоним лисицу и пойдём грибы собирать.

Но тут бельчонок опять показался из своего прикрытия и прыгнул на одну из тонких верхних веток берёзы. Это была одна из самых длинных веток дерева, и она, как вытянутая рука, указывала прямо на опушку леса — на ту самую крайнюю сосну, с которой полчаса тому назад спустился бельчонок.

Бельчонок разбежался по ней и, сильно качнув конец ветки, прыгнул.

— Бешеный! — шепотом вскрикнул сынишка. — Он...

Сынишка хотел, конечно, сказать, что бельчонок попадёт прямо в пасть лисице.

Но не успел договорить, так быстро всё кончилось! Бельчонок, разумеется, не рассчитал: допрыгнуть до опушки с берёзы он не мог. Самой ловкой белке не перелететь такого расстояния по воздуху — не птица же! Просто, видно, бельчонок с отчаянья прыгнул: будь что будет! И он, конечно, кувыркнулся, не пролетев и половины расстояния до сосны.

Надо было видеть, как он летел вниз, растопырив все четыре лапки и вытянув тонкий хвостик, — прямо в куст, где сидела лисица, прямо на неё!

Но не успел он долететь до куста, как лисица...

Думаете, подскочила и на лету схватила его в зубы?

Нет, лисица опрометью выскочила из куста и, сломя голову, бросилась наутёк через пни и кусты.

Громкий смех сынишки — прямо мне в ухо — чуть не оглушил меня.

А бельчонок, упав на куст, не разбился: ветви спружинили, слегка подкинули его легкое тельце и, опять приняв на себя, мягко опустили его на землю. Бельчонок — скок-скок-скок! — и на сосну. С сосны на осину, с осины ещё на какое-то дерево — и скрылся из глаз в лесу.

Сынишка хохотал до слёз. И весь лес, казалось, хохотал с ним — все капельные глазки дождя на листьях, на траве и кустах.

— Бешеный! — твердил сынишка сквозь смех и слёзы... — Ну, прямо бешеный!.. Как он на лисицу-то! Как она от него!.. И хвост поджала! Вот бешеный бельчонок.

— Ну,— спросил я, когда он прохохотался,— теперь понимаешь, почему я не дал тебе бежать от Клеопарды?

— Знаю, знаю:

Вывод ясен без картин —
Часто, в битвах не робея,
Побеждает трех один.

Уж не знаю, откуда он взял эти стишки! Он у меня набит
стихами и выпаливает ими вдруг, как из пушки.

Весёлые мы пришли в тот день из лесу.

ДВЕ ВОРОНЫ

Молодая ворона

Молодая ворона ходила по берегу реки, разыскивала себе среди камешков пропитание.

Ничего хорошего ей не попадалось — одни дохлые, высохшие рачки да рыбки.

Вдруг видит: на песке у самой воды лежит крупная двустворчатая раковина-беззубка. В этих раковинах превосходные, на вороний вкус, слизняки, вроде знаменитых у людей устриц: такие слизкие, прохладные, аппетитненькие... Одна беда: укупорка — первый сорт. Раковина толстая, гладкая, крепкая. Створки её плотно сомкнуты — что на замке.

Как из такой посудинки слизняка добыть?

Пробовала ворона и так и этак: то на один бок повернёт, то на другой, то на ребро раковину поставит — да тюк её носом, тюк носом! А нет, ничего не выходит, не поддается раковина: скользит острый крючковатый во-

роний нос по гладким створкам.

Тюк — и в песок носом.

Тюк — и в песок.

Наглotalась ворона песку и раковину бросила. Сидит — хохлится. Не знает, что дальше делать.

Прилетел на берег кулик-сорока, рядом с вороной сел. Сейчас же себе беззубку разыскал — точь-в-точь как у вороны.

Пальцами её прижал к песку, кончик носа просунул в маленькую щелочку в уголке между створок — да как нажмёт! А нос у кулика-сороки длинный и на конце с двух сторон заточен — вроде отвёртки. Ну конечно, раковина так пополам и раскрылась.

Молодой вороне обидно. Подскочила к кулику-сороке, хотела слизняка у него из-под носа выхватить.

А кулик — глоть! — и сглотнул слизняка.

Ворона: «Кра!Кра! — кричит. — Кража! Так всякий раскупорит, раз отвертка! Вороний нос порочит!»

— Раскаркалась! — гаркнула старая ворона, подлетая на шум. — Сама вороний нос порочишь, дурашка. Всякая птица своим носом сыта. — Сама хватъ раковину у молодой вороны из-под носа.

Крючковатым своим носом крепко, как клещами, зажала беззубку — не выскользнешь! Взвилась с ней в воздух да оттуда, с высоты-то, швырк её на камни! Раковина вдребезги, а слизняк вот он!

Молодая ворона только рот разинула. А старая уж тут, на камнях. Глоть слизняка! И говорит:

— Кто дальше своего носа не видит, тот с носом и останется. Благодарим за угощение! — И улетела.

Старая ворона

Рассказал про молодую, надо и про старую ворону рассказать. Только уж тут надо немножко вороний язык знать, — хоть три вороньих слова. Вот они, запомни.

Просто: «Карр!» значит: «Здравствуй, товарка!» — обычное у ворон приветствие.

Два раза: «Карр! Карр!» значит: «Грабь! Гррабь!» — или: «Харч! Харрч!» — то есть еда, вкусное что-нибудь на вороний вкус. Вороны ведь грабежом живут.

Три раза: «Карр! Карр! Карр!» — отчаянным голосом: «Карраул! Удир-рай! Врар!»

Вот проверь: стоит только одной так закричать — разом все вороны, сколько их есть кругом, подхватят: «Карр! Карр! Карр!» — «Врар! Врар! Врар!» — на крыло да врассыпную, кто куда!

Потому как это — воронья тревога, тут времени терять нельзя: опасно для жизни.

Запомнил вороньи слова? Теперь слушай.

Жила-была в деревне старая, бывалая ворона. Среди других ворон самой умной слыла. Она воронью молодежь учить очень любила: где как летать, да что как клевать, да как понимать.

Жива эта ворона и сейчас. Только уж больше такой особенно умной даже среди ворон не слывет. Нет уж, давно не слывет.

А случилось это вот как, вот почему.

Захотелось раз старой вороне свежих беззубок на завтрак. Вспомнила, как в прошлом году вкуснейшую беззубку у молодой вороны из-под носу утащила. Эх, и аппетитный был слизнячок — прямо устрица!

Полетела старая ворона на ту реку, где беззубки водились. А туда от той деревни, где ворона жила, не близкий

путь: с солнышком вылетела — едва к полудню прилетела.

Прилетела на ту реку и видит: совсем будто и не та река! Была тут деревушка Малые Избушки, а стали дома каменные с длинными стенами, с широкими окнами. Один дом на одном берегу, другой — на другом. Посередине — поперек реки — третий, а перед ним — запруда.

Подивилась ворона, как это люди столь живо на месте деревушки эдакие каменные палаты воздвигли.

Да тут глядит: на берегу запруды крупнейшую беззубку волной выплеснуло. А сзади — слышит: свист крыльев. В самый полдень-то тишина была — в ушах звенит: люди все на работе, и ветерок спит. Оглянулась, а сзади к ней молодая ворона подлетает — та самая, прошлогодняя. Тут уж старой вороне не до ликованья: стрелой вниз, на берег — и наступила на беззубку лапой — моё!

Молодая ворона подлетела, старая ей и крикни:

— Карр! Здравствуй!

А со всех сторон как грянет:

— Карр! Карр! Карр! Враг! Враг! Враг! Карраул! Удиррай!

Такой тарарам поднялся, что старая ворона с перепугу присела, головой завертела, глазами захлопала: кто кричит? где кричат? откуда летят? какой такой враг, враг, враг?!

И хоть никаких ворон и никаких врагов не видать было кругом, старую ворону с перепугу как подхватит, как понесет — только свист пошел от крыльев! В жизни с ней ещё не случалось, чтобы, не видав врага, такого труса спраздновать, такого дать стрекача!

А молодая ворона увидела забытую старой беззубку да с радости как крикнет: «Карр! Карр! Харрч! Харрч!» — и ничуть не испугалась, когда крик её отскочил, как мячик, от одной каменной стены: «Карр! Карр!» — от другой: «Карр! Карр!» — и от дома поперек реки: «Карр! Карр!» Потому что она уже привыкла, что всякий звук здесь отдается от каменных стен новостроек, понимала, что это — эхо.

А старая ворона как перетрусилась собственного голоса чуть не до смерти, как умча-

лась сломя голову, так больше туда никрылом! И о вкусных
беззубках забыла.

А всё почему?

Потому что ворона старая, а дома-то — новые.

КТО НОЧЬЮ НЕ СПИТ

Один охотник подумал: «А погляжу-ка я,— кто ночью не спит?»

Сделал себе на берегу озера из камыша шалашик с окошечком. Забрался в него и сидит, ночи ждёт.

Скучно ждать. Спать охота, глаза сами слипаются. И заснул.

* * *

Очнулся,— глядь, уж ночь! Только узкая полоса зари горит над озером, а кругом всё черно. И всё знакомое перед глазами будто незнакомо.

Будто слева глухой забор и справа такой забор. А это камыш. Посреди ворот будто старуха горбатая, нос до земли. Растопырилась. А это — пень стоит, коряга старая.

И всё тихо-тихо — никого нет.

Вдруг выходит слева из забора погоныш — болотная курочка. За ней — гуськом цыплятки-катышки. Черненькие, с носиками, и на ножках — много, много, много...

«Ишь ты, какие маленькие, а не спят? Вон сколько цыпляток вывела! — подумал охотник. И стал считать от скуки.— Раз, два, три, четыре... девять! Девять цыплят у одной курочки».

Курочка вышла из-за коряги справа,— и цыплятки посыпались.

Охотник от безделья опять считает: «Раз, два, три, четыре, пять... восемь! Обсчитался! А девятый где? Или я сплю?»

Курочка болотная справа в заборе исчезла. За ней цыплятки — хвостиком — утянулись.

* * *

Тянется ночь, всё спит, все спят. Дремлет охотник.

Чшш! Справа в камыше зашуршало...

Да это курочка болотная назад идёт! Цыпляток за собой ведёт.

«Вот я их сейчас ещё раз пересчитаю, для верности,— думает охотник.— Раз, два, три, четыре, пять, шесть... восемь! Нет, значит, не сплю: восемь было, значит».

Зашли за корягу справа.

Вышли из-за коряги слева.

Охотник сосчитал: «Раз, два, три, четыре, пять, шесть... семь! Сплю! Сейчас восемь было! Обязательно сплю!»

Цыплятки под корягой катышками снуют.

Пересчитал: — «Шесть!!»

«Ну-ну! — думает охотник.— Это у меня от бессонницы заворот мозгов. Совсем со счёту сбился!»

Глядь,— из коряги будто молния блеснула!

Цоп одного катышка — и назад в корягу.

«Эге-ге, носатая! — подумал охотник. — Ты вот чего!..»

Поднял ружьё, прицелился из окошечка — ббах!

Погоньша с цыплятами как сдуло!

Вышел охотник из шалашика и поднял за ноги свою добычу: горбатую, носатую ночную цаплю — квакву. А в клюве у неё — болотный цыплёночек: не успела проглотить...

— Вот, значит, кто ещё ночью-то не спит, не дремлет! — сказал себе охотник, — кто на коряге стоял — не двигался, малых погоньшей подстерегал! Как тут не сбиться со счёту: четырех катышков подряд склевала, прорва какая! Злодейка!

И потащил домой квакву — ночную цаплю — за голенастые ноги: дома чучело из неё набить, — в школу подарить.

ЗА ЛОСЕМ

Мне дали разрешение на отстрел одного лося-самца, я тщательно снарядился и отправился в лес. Там я остановился в сторожке знакомого лесника Хлебникова.

В моём распоряжении было четыре дня. Лосей в том лесу много, выследить одного не так трудно, и сынишка мой не сомневался, сидя дома, что скоро отведаст лосиного мяса. Я ему обещал губу: у лося верхняя губа большая, горбом, мясистая и на вкус очень нежная, так во рту и тает.

Не повезло мне только с погодой: день стоял морозный и совершенно безветренный. Тишина в лесу как в подземельи. Снег сухой, мерзлый, хробосткий — так и визжит под лыжами. Проходил я по лесу до самого вечера, в скольких осинничках побывал — самых излюбленных лосями местах, — так за целый день ни одного лося и не видел. На лёжки натёкался. Да разве в такой тишине лося застанешь врасплох? У него на макушке вон какие две антенны, он за километр лыжи услышит, встанет и уйдёт; даже издали поглядеть на себя не даст.

Усталый я возвращался к леснику. Вечерняя зорька догорала на бледном небе, и стволы деревьев на ней казались черными-черными и точно наклеенными на блестящей золотой бумаге.

Перед самой сторожкой с невысоких сосен, зашумев крыльями, близко от меня сорвались глухари. Но выстрелить в них я не мог: в обоих стволах моего ружья были заложены не дробовые патроны, а разрывные пули. Я так и положил себе: идёшь на крупного зверя, — забудь о дичи. Где уж тут бабахать, пугать лосей по всему лесу.

Такая же морозная тишина стояла в лесу и на следующий день. Опять я зря шатался по чащам. Найдёшь лёжку, — а она уж давно остыла. Только зорька была в этот вечер не золотая, а красная-красная. Это сулило ветер, и я обрадовался.

И правда: ночью потеплело, утром потянул ветерок, закачались ветки, пошли по лесу шорохи, шопоты — и лыжи мягко, почти бесшумно двигались в снегу. Вот в такую погоду легко подкатиться к чуткому зверю, можно прямо чуть не споткнуться об него, когда он лежит в снегу.

Скоро после полудня я нашёл свежий след сохатого. В том, что это сохатый, то есть старый, огромный бычина, у которого рога как сохи, широкой лопатой, сомнений не было: след был велик — с шапку — и кругл, у лосихи он уже, стройнее.

С час я шёл по следу, напряженно вглядываясь в лес. Предохранитель двустволки был отодвинут на «огонь»: каждую минуту мог встать передо мной громадный зверь, а с ним шутки плохи, надо бить не медля и, если не сумеешь свалить наповал, —

не растеряться: точно и быстро кончить второй пулей. Такой бычина очень опасен раненый, и не задумается напасть на человека, забьёт рогами или, того хуже, копытами. И уж мне было, конечно, не до погоды, на небо я не смотрел.

Вдруг я услышал вдали странное, быстро приближающееся шипение. Налетел бешеный порыв ветра. Всё закачалось у меня перед глазами: деревья со свистом замотали ветвями, с вершин их полетели комья снега, в воздухе лопались и разлетались белыми облачками, как взрывы снарядов. И самое худшее: вдруг стало быстро темнеть.

Идти дальше было невозможно. Я остановился.

Повалил снег и закружился, в одну минуту залепил мне шапку, лицо, полушубок. Началась падера — страшная в лесу пурга. Лес огромный, дикий, заблудиться в нём ничего не стоит, — скоро будет совсем темно — и уж никак не найдёшь дом.

Я повернул лыжи и побежал назад.

Прошел час, я всё бежал и бежал, задыхаясь от ветра, и уже стал выбиваться из сил, уже давно должна была показаться знакомая просека и в конце её сторожка лесника. Но просеки не было.

Я остановился в изнеможении. Больше не хватало духу бороться с ветром и снегом. И куда идти? Вот-вот и ночь начнётся. Пропадёшь. Надо отыскать где-нибудь под ёлкой большой муравейник, раскопать его, зарыться с головой: там тепло, может быть и не замерзну до утра.

Где же в глубоком снегу найдёшь муравейник? Я шарил суком под елями — и ничего не находил.

Вдруг ветер донёс до меня словно бы чей-то крик. Я прислушался. Крик — глухой и далёкий — повторился. Но откуда принёс его ветер? Пурга крутила со всех сторон.

Медленно — нога за ногу — я пошел, стараясь двигаться в одном направлении, не петлять. Это очень трудно, когда на небе ни солнца, ни звезд и в кармане у тебя нет компаса. Это почти невозможно, потому что и человек, как зверь, непременно делает круг, идя без дороги.

Я прошёл немного и остановился: крика больше не было слышно. Выстрелить? Может, услышат.

Вдруг громко и явственно я услышал сильную песню, каждое слово её:

Пургаргира, пургаргира,

Пургаргира, пургаргира!

Как задула пургаргира

Все крутые берега! — пел мужской голос.

Откуда и силы взялись у меня. Я бросился на голос — и вдруг

вылетел на просеку — у самой сторожки. На крыльце стоял Хлебников и, приложив ко рту руки, во весь голос выкрикивал песню.

— А, ну-ну! — сказал он, увидев меня. — Добро. Я уже думал, — заблудились: вот какая падера. Вышел покричать.

— Спасибо. Конечно, заблудился.

К утру пурга улеглась. Солнце, поднявшись над лесом, мириадами белых, красных, зелёных искр заблестело в рыхлом, пушистом снегу переновы-пороши. Я целый день — последний день — ходил по лесу, и, хоть всё никак не мог набрести на лося, — радостное чувство ожидания и уверенность, что я увижу зверя, меня не покидало.

В пургу лоси стоят где-нибудь в чаще, переходов не делают. Прежние все следы их занесло, завалило. Найти зверя трудно. Но по теплой пороше идешь бесшумно и только угадай, где он стоит, — будет твой.

Я не угадал и не нашел лося. А зашёл от сторожки далеко в лес. Солнце было уже за деревьями, — надо было возвращаться. И, все ещё надеясь на удачу, я дошёл до лесниковой просеки. Тут из снега, у самых моих лыж выпорхнул рябчик. И тут же, залетев в лес, сел на еловую лапу, стряхнув с неё снег.

Охота была кончена: впереди уже виднелась сторожка. Я вытащил из стволов пули, сунул дробовые патроны — и выстрелил в рябчика. Рябчик упал. Он весь утонул в рыхлом снегу, так что я даже не вдруг его нашёл. Поднял и пошёл к просеке краем тянувшегося вдоль неё широкого овражка.

Я не сделал и пятидесяти шагов, как увидел перед собой между двумя толстыми соснами лёжку, глубокую, узкую: лось не ложится на бок, как корова, лежит на брюхе, всегда готовый подняться на ноги, — совершенно свежую лосиную лёжку. На снегу было желтенько и от этого желтенького шел густой теплый пар: зверь был тут минуту назад.

Я растерянно оглянулся — и увидел его: громадный сохатый, огибая широкий овражек, как в лодке проплыл у меня перед глазами в глубоком мягком снегу. Он гордо держал свою горбоносую голову, отягощенную большими, широкими со многими отростками рогами, и не смотрел в мою сторону.

Не дробью же было в него стрелять.

* * *

Сынишка мой получил вместо лосиной губы рябчика и, конечно, надул губы.

— Что делать, — сказал я ему, оправдываясь. — На охоте всегда так: уж не повезёт, так не повезёт, а повезёт, так... Ведь не выстрели я по этому рябчику, я бы через минуту поднял лося и, конечно, свалил бы его: ведь он лежал у самой просеки, и лес тут редкий, — я его сразу-то не увидел, потому что сам в лес зашёл, в ельник — за рябчиком-то. А с просеки он был как на ладони. И у самой сторожки, — зачем и ходил я столько по лесу?

— Эх, ты! — сказал сынишка. Но рябчика съел с удовольствием: говорит, — тоже вкусно, маловато вот только, в сравнении с лосем.

20.11.44 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Два заметных года	4
Хроника жизни В. Бианки в Прикамье	43
Приказ на снегу	46
Тетерева в лунках	50
Мышарик	54
Два белых, третий — как снег	56
Поганки	58
Глупые вопросы	61
Плавунчик	66
Тигр-пятиполосик	71
Лупленный бочок	74
Бешеный бельчонок	79
Две вороны	85
Кто ночью не спит	89
За лосем	91

Краеведческое издание

Виталий Бианки в Прикамье.— Оса: Росстани, 1993.

Художник — Н. Горбунов
Рисунки и фотографии —
из архива Е.В. Бианки

Сдано в набор 10.11.93г. Подписано к печати 5.12.93г.
Формат 60/90 1/16. Бум. газетн. Печать офсетн. Усл. печ. л. 6,0.
Тираж 5000 экз. Цена договорная.

Издательство Росстани, 618120, г. Оса Пермской обл.
ул. Ленина, 31-а

Кунгурская типография Пермского управления
печати и массовой информации
617400, г. Кунгур Пермской обл.,
ул. Криулинская, 7. Заказ № 2245

